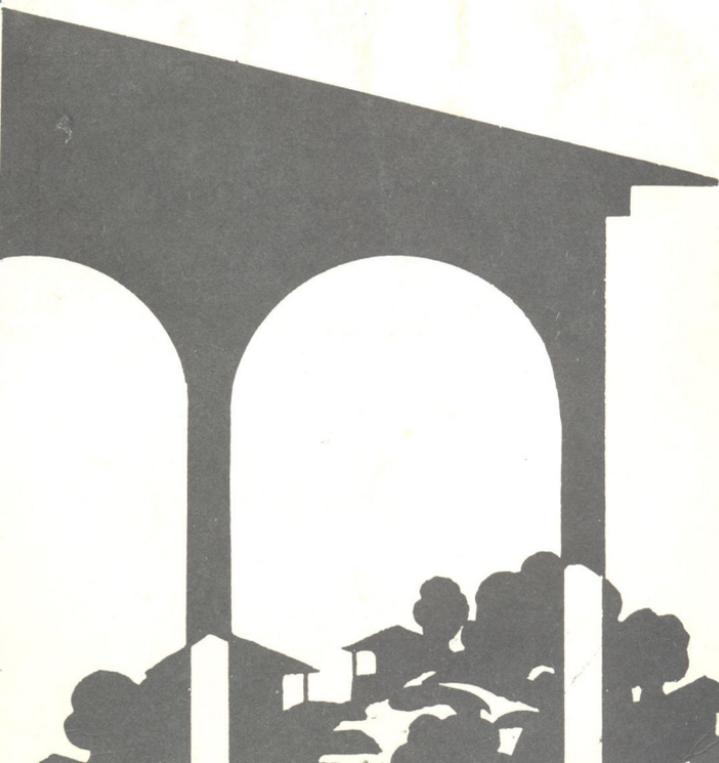
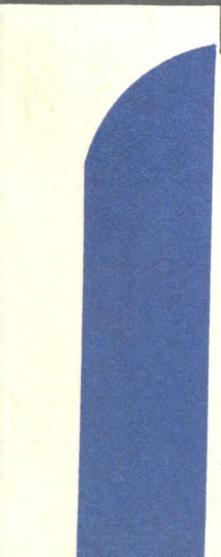

Т 10. 799
3

34.43.33.30
34.43.33.30

В. БИГВАВА **ОБРАЗ
ЖИЗНИ
АБХАЗСКИХ
ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ**

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Д. И. ГУЛИА

ВАЛЕРИЙ БИГВАВА

ОБРАЗ ЖИЗНИ АБХАЗСКИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1988

Handwritten text at the top of the page, possibly a title or reference number.

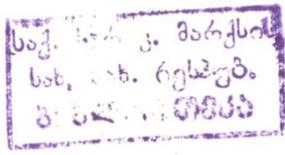
В работе рассматриваются основные вопросы образа жизни абхазских должителей — особенности семейно-бытовых отношений, хозяйственного строя, трудовой деятельности, контактов с окружающей средой, пищи и питания, сна, поведения их в стрессовых ситуациях. В ней используются также и сведения о некоторых должителях Западной Грузии, представляющие этнографический интерес как сравнительный материал.

T 10.799

Отв. редактор: докт. ист. наук, проф. Ш. Д. Инал-Ипа

Рецензенты: канд. ист. н. Е. М. Малия
канд. ист. н. Г. А. Амичба

Handwritten number: 138851

Б 0505000000
М 607(06)—88 175—88

© Издательство «Мецниереба», 1988

ISBN 5—520—00175—8

ВВЕДЕНИЕ

Исследование феномена долгожительства*, интересующее ученых различных наук — этнографии, антропологии, медицины и др., имеет несколько направлений. Одним из них является образ жизни, представляющий собой главным образом совокупность действий людей, исходящих как из своих собственных потребностей, так и из потребностей окружающей среды. В свою очередь, эти потребности санкционируются социально-экономическими факторами и целым комплексом этнических традиций, обычаев и обрядов. Какие же вопросы конкретно охватывает понятие «образ жизни»? Это, прежде всего, семейные и общественные отношения, трудовая деятельность, питание, сон, поведение в стрессовых ситуациях и т. д. и т. п.

Ученые, изучавшие абхазское долгожительство, уже давно обратили на них внимание. Так, например, краевед С. П. Басариа еще в конце двадцатых годов текущего столетия собрал материалы для описания жизни восемнадцати выдающихся случаев долголетия в сельских районах Абхазии¹. Примерно через десять лет украинские геронтологи провели здесь обследование около пятидесяти человек, в программу которого входили и некоторые стороны их образа жизни. Но, к сожалению, эти материалы остались не опубликованными². В пятидесятых годах силами местных ученых было проведено еще одно обследование долгожителей, в ходе которого фиксировались их биографии, трудовая и общественная жизнь, жилищно-бытовые условия и др.³

Факторы, положительно или отрицательно влияющие на продолжительность жизни и процесс старения, в том числе и интересующие нас вопросы рассматриваются Г. З. Пицхелаури

* Долгожители это, по данным ЮНЕСКО, люди, достигшие 90-летнего возраста.

¹ См. С. П. Басариа. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.

² См. В. И. Козлов. Исследование проблем долгожительства. — Феномен долгожительства. М., Наука, 1982; Ш. Д. Инал-ипа. Введение (Из истории изучения долгожительства в Абхазии). — Среди долгожителей Абхазии. Тбилиси. Мецниереба, 1987.

³ И. Б. Шафири и др. Долголетние люди Абхазии. Сухуми, 1956.

в своей работе «Долгожители Грузии»⁴. Многим аспектам образа жизни абхазских долгожителей существенное внимание уделено в книгах известного американского этнографа Сула Бенет, проводившей разностороннюю изыскательскую работу в автономной республике в конце шестидесятых и в семидесятых годах⁵. В той или иной мере они освещаются и в монографии советских и американских ученых «Феномен долгожительства», вышедшем в Москве и Нью-Йорке в 1982 году⁶. Вслед за ней, одновременно, в Тбилиси и Москве вышли еще две монографии, но это уже силами только советских исследователей, — «Среди долгожителей Абхазии»⁷ и «Абхазское долгожительство»⁸, — в которых содержится также несколько работ по отдельным сторонам данной проблемы. Говоря о работах, посвященных абхазским мафусаилам, нельзя обойти и книгу американской журналистки Пола Гарб «Долгожители»⁹, написанную с большой любовью и уважением к тем людям, которых она изучала. В ней много фактического материала — живые картины их жизни, увиденные и нарисованные самим автором в ходе непосредственной полевой работы.

Настоящая работа является первой попыткой специального исследования образа жизни долголетних людей. В этом ее актуальность и научная значимость.

В работе содержатся двадцать четыре рассказа, написанного по этнографическим материалам, собранным автором в 1980—1985 гг. В ней приводятся также и данные о нескольких долгожителях из двух различных в этнографическом отношении районах Западной Грузии — Цаленджихского (Мегрелия) и Местийского (Сванети), которые могут быть использованы как сравнительный материал.

Каждую информацию я записывал отдельно, по возможности

⁴ Г. З. Пицхелаури. Долгожители Грузии. Тбилиси, 1976.

⁵ S. Benet, *Abkhasian—the Long—Livieng people of the Caucasus*. New York, 1974; *idem*. *How to live to de 100. the life style of the peoples of the Caucasus*. New York, 1976.

⁶ Сула Бенет. Предпосылки долгожительства; Я. С. Смирнова. Роль старших возрастных групп в абхазской фамилно-патронимической организации; В. Н. Бугаев. Работоспособность абхазских долгожителей; В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей. — Феномен долгожительства...

⁷ См. В. Л. Бигвава. Особенности трудовой деятельности абхазских долгожителей. — Среди долгожителей Абхазии...

⁸ В. П. Кобычев (при участии В. Л. Бигвава). Труд и физическая деятельность долгожителей; В. Н. Бугаев. Особенности трудовой активности абхазов. — Абхазское долгожительство. М., Наука, 1987.

⁹ П. Гарб. Долгожители. М., Прогресс, 1986.

руководствуясь при этом специально составленным вопросником. Он охватывает весь круг вопросов, связанных, прежде всего, с жизнеописанием геронтов.

Следует отметить, что собирать сведения об образе жизни абхазов, да вообще кавказцев, довольно трудно. Правда, абхазские старики очень общительны. Они охотно рассказывают легенды и предания о народных героях, проявивших необычайное мужество в борьбе за независимость родины. Но не любят говорить о себе, считая это крайней нескромностью¹⁰.

Трудности встречаются особенно при установлении календарного возраста пожилых людей. Причин тут много. Одна из них просто незнание своего действительного возраста. Метрических свидетельств у них не было и нет. И в имеющихся, допустим, церковных книгах христинанского населения даются неточности. Во-первых, детей крестили ни сразу — спустя несколько лет после рождения, во-вторых, имена, под которыми священник регистрировал их, не всегда употреблялись в быту. Кроме того, у абхазов женщины с вступлением в брак меняли не только фамилию, но и имя. Что касается мусульман, то среди них вообще не было практики регистрации рождения. Еще больше неточностей в Похозяйственных книгах, введенных в Абхазии в тридцатых годах. Поэтому, естественно, что неграмотные люди, не имевшие традиций счета своих лет, определяют свой возраст приблизительно, в «круглых» цифрах¹¹.

Учитывая все эти факторы, я, как и другие ученые, изучавшие феномен долгожительства, устанавливал календарный возраст своих информаторов методом верификации, разработанным советскими геронтологами¹². При этом основным событием, с которым я соотносил их биографические данные является Большой снег (1911).

В тексте имена изучаемых людей даются в соответствии с традиционной антропонимической моделью народа. У абхазов фамилия стоит перед именем. При этом, фамилии, образованные с помощью форманта «ба», соответствующего русскому «ов», произносятся в краткой форме: Адленба — Адлен, напр., Адлен Тандел. Фамилии с формантом «ипа» («ович»), «уа» или «уаа» («человек», «люди», в смысле — его, родового эпонима):

¹⁰ В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей. — Феномен долгожительства..., с. 69.

¹¹ В. А. Большаков. Верификация календарного возраста долгожителей. — Среди долгожителей Абхазии...

¹² Н. Н. Сачук. Точность показаний возраста лицами 80 лет и выше во время переписи населения. — Ученые записки по статистике, т. 8 и др. Широко использована также анкета, составленная известным московским этнографом, д. и. н. В. П. Кобычевым, для сбора полевого этнографического материала по трудовой деятельности абхазских долгожителей.

Сабуа, Бигуаа, остаются без изменения. Не изменяются также и безформантные фамилии: Киут, Смыр и т. п. Это, когда речь идет о представителях мужского пола. Для женской же антропонимической модели характерно добавление к фамилии форманта «пха», выполняющего такую же функцию, какую — русский «ова»: Адлеи-пха, Сабуа-пха, Бигуаа-пха, Киут-пха и т. д.

Заметим еще, что в прошлом традиция называть человека только по фамилии и имени распространялась обычно на людей, достигших определенного зрелого возраста. Антропоним молодого человека включал в себя сразу три имени: имя отца, родовое имя, то есть фамилию, и индивидуальное имя: Хвакьиа Амчы Сеуарна, что переводится как «сын Хвакя Амичба Сеуарна». В то же время и среди молодых людей встречались такие, которые назывались в народе просто по фамилии и имени. Таковыми являлись, естественно, наиболее популярные и авторитетные люди.

Что касается грузинских антропонимов, приводимых в работе, то и они даны в традиционной форме грузинской антропонимической модели — по имени и фамилии: Иосиф Кварацхелия. Фамилия и имя человека обычно несут на себе определенный этнический оттенок.

Все долгожители — и абхазы, и грузины¹³, — о которых речь идет в работе, группируются лишь по месту жительства, хотя, конечно, можно было выбрать и другой принцип — хозяйственный, географический и т. д.

Работа эта отнюдь не ставит перед собой цели дать на поставленный вопрос исчерпывающий ответ, а является лишь началом большого комплексного исследования проблемы.

¹³ В выводах работы грузинские материалы не привлекаются, так как они не дают полного представления о многих вопросах изучаемой проблемы (возрастные категории, возрастная номенклатура и др., требующие специального исследования).

ДОЛГОЖИТЕЛИ: ИНФОРМАЦИЯ, ВЕРИФИКАЦИЯ, ОБСЛЕДОВАНИЯ

ДЖАПОУ СЕУАРНА, ЧАЛАКУА КЫЧ, АНУА МЫДЖГУА
И САНГУЛИА-ПХА ФАД

Еще до приезда в Члоу я слышал о четырех ровесниках—долгожителях, считающихся старейшими членами колхоза этого села. Об этом мне говорил председатель сельсовета Радион Ануа однажды, на свадьбе одного нашего с ним общего родственника, где мы сидели друг против друга за торжественным столом. Это Джапоу Сеуарна, Чалакуа Кыч, Ануа Мыджгуа и Сангулиа-пха Фад.

Время подходило к полудню. Весеннее солнце давало о себе знать, но было не очень жарко. После вчерашнего дождя оно только-только набирало силу.

Дом Джапоу Сеуарна, с которого я решил начать свою работу, расположен у самой дороги, соединяющей центр села с г. Очамчира. И как только подошел к воротам двора, я увидел интересующего меня геронта, Сеуарну. Он занимался первой прополкой кукурузы, недалеко от дома. Мне стало несколько неудобно отрывать его от работы, «Зайти, не зайти», — заколебался я. Но к счастью, Сеуарна почувствовал, что кто-то стоит у ворот и повернулся ко мне. Оставив тут же мотыгу, хозяин направился в мою сторону, приглашая меня в дом. Худощавый, высокий, едва заметно сутулый, а судя по тому, как он легко шагал нельзя было сказать, что он очень стар.

— Дай бог тебе здоровья! Если бы не ты, дад, я не заметил бы, что пора выйти. Старик ведь, поздно до меня доходит. — Словами благодарности и доброй улыбкой встретил меня Сеуарна.

Биография Джапоу Сеуарны — обычная биография абхазских долгожителей, проведших всю свою жизнь в труде.

Сеуарна помнит, когда в хозяйстве его отца, Дауал, имелось более сорока пяти голов крупного рогатого скота, до трехсот коз и овец, шесть верховых лошадей. Дауал считался человеком хлебосольным и искусным виноделом. За год он выделял двести—четыреста ведер чистой изабеллы. Ему помогали сыновья — Кварантыху, Леуа и Сеуарна. Детей у Дауала

было всего шестеро — три сына и три дочери. Сеуарна приходился последним по счету ребенком. Несмотря на то, что старший сын, Къарантыху, был уже взрослый и трудоспособный, в хозяйстве могли быть полезны и младшие, он имел всегда наемных пастухов, обычно молодые люди из бедных семей.

Жили они у подножья горы, в местечке Аимара, где берет свое начало река Дваб, прорезающая село Члоу на две большие части.

Ежегодно Дауал перегонял скот на горные пастбища. Сам Сеуарна поднимался в горы не менее пятидесяти раз, то вместе

Рис. 1

с отцом и братьями, то в качестве скотохозяина, то пастухом, но это уже после организации колхоза.

При отце вся семья жила вместе. Только через три-четыре года после смерти отца средний брат решил отделиться. Он и старший брат были уже женаты и имели детей.

Все хозяйство семьи Джопуа, основу которого, как уже говорилось выше, составлял скот, разделили поровну на четыре части — трех братьев и матери. Разделить хозяйство они пригласили родственников и почетных представителей села. Для раздела же скота они сделали четыре ограды.

Мать осталась жить вместе со старшим сыном, Кваранты-ху, следовательно и долю свою она отдала ему. Леуа переехал в центр села Члоу, вскоре за ним последовал и Сеуарна.

Поскольку в то время земля была собственностью крупных землевладельцев, Сеуарна, как и его брат, Леуа, купил участок у князя Шьагугыл Ачба, на котором проживает и в настоящее время. Дом он построил при помощи братьев и соседей.

С этого времени началась самостоятельная трудовая деятельность Сеуарны. С начала коллективизации сельского хозяйства он становится одним из первых членов общественного производства. Выращивал кукурузу как для семьи, так и для колхоза, помогал бригаде возделывать табак. Долгое время работал бессменным звеньевым, три года — бригадиром.

Женился Сеуарна поздно, примерно, в сорок пять-пятьдесят лет на двадцатилетней девушке по фамилии Чачхална из с. Тамыш. Из шести душ детей трое умерли в раннем возрасте. Старший сын со своей семьей живет отдельно, но недалеко от отцовского дома, младший — в Сухуми, дочь замужем в г. Очамчира. Правда, дом и хозяйство в будущем принадлежит младшему сыну, но фактически в данное время Сеуарна и его жена живут одни. Сын приезжает лишь в выходные и праздничные дни для оказания необходимой помощи в личном подсобном хозяйстве.

Как всякий абхаз-крестьянин, Сеуарна не имеет понятия о жизни без физического труда. Трудится каждый день — с утра до вечера с продолжительным перерывом на обед, включая конечно и дневной сон на часок или полтора. Говоря об этом он имеет в виду летние полевые работы. Зимние, так называемые внутренние работы, каковыми являются, по его мнению, уход за скотом, приготовление дров, ремонт хозяйственных построек или орудий, за работу не считает. Все это просто разминка для крестьянина, — поясняет он.

Торговлей Сеуарна не занимался, как он выразился, «на рынке не стоял». Однако, еще при жизни отца он вместе со своими братьями продавали скот и шерсть купцам, как говорится, не выходя из дома. «Позже местный князь Отар Ачба открыл небольшую лавку, в которой торговые операции вели наемники. И сюда на арбе или выюком привозили сыр и мед с целью приобрести соль, которой всегда так не хватало в доме. Но мы делали это очень редко, так как продавать продукты питания, особенно молочные, считалось неприличным занятием».

В отношении еды Сеуарна не прихотлив, но, примерно, раз в пятнадцать дней у него появляется желание поесть мясо, любит мед и употребляет его часто. В молодости пил вино, много и долго, но только за торжественным столом. А так, без значительной причины не пил, даже презирал тех; кто им увлекался.

Как любой горец, любимым занятием Сеуарны была охота. После наступления холодов, отправлялся в горы. Считался хорошим скалолазом. Стрелял метко.

Не смотря на худощавость телосложения, физически Сеуарна здоров и до сих пор. За всю свою жизнь в больнице был один раз, когда у него вырезали аппендицит.

Жизнью своей Сеуарна доволен. Почему бы и нет?

Старший брат, Къарантыху, прожил до 100 лет, Леуа — средний брат — 80, сестра, следующая за ним, умерла в глубокой старости, другая сестра, Женя, жива, здорова. Только Хыкур, средняя сестра, скончалась скорострительно еще в молодости. Что касается умерших детей, то о них Сеуарна не горюет: «Они появились на свет по божьей воле и по божьей воле погасли»¹. Единственное, на что он жалуется, это малочисленность своего потомства: по его словам, у него «только шесть внуков».

— В Члоу немало людей, считающихся долгожителями. Все же, кто старше всех? спросил я Сеуарну в конце нашей беседы.

— Ануа Мыджгуа и Чалакуа Кыч мои ровесники, быть может я старше на один-два года. Нам было, наверное, тринадцать лет, когда впервые увиделись. В горах это было. Каждый раз при встрече боролись. Я был сильнее их обоих. Много лет и девою постаревшей Сангулиа-пха Фад. По-видимому, не на много моложе нас... По документам сельсовета, мне сейчас '93 или 94 года, но год, указанный в нем, это год моего крещения. На самом деле мне 101.

И, Чалакуа Кыч, проживающий в местечке Аражвпара данного села, считает себя христианином и хорошо помнит, когда его крестили. Ему было шесть-семь лет. Но у него не сохранилось свидетельство о рождении. Если спросить его о том, сколько ему сейчас, то он уверенно ответит: «103», ссылаясь при этом на Ануа Мыджгуа, якобы старшего на три месяца. «Мыджгуа грамотный, знает свой возраст», — говорит Кыч.

Родился Кыч в обычной семье земледельца. Отец его, Сит, выращивал кукурузу, возделывал виноград, имел несколько голов крупного рогатого скота, в том числе две или три пары тягловых быков и буйволов. Мать, Корсантиа Ханифа (Тина) была родом из Речхи (Зап. Грузия). Кыч являлся шестым по счету ребенком в семье. Самая старшая сестра его, Дика, умерла пятнадцать лет тому назад в возрасте 95 лет. Следовавшие за ней две сестры, Тима и Куакуына, прожили совсем немного. Старший брат, Дамей, скончался от испанки, свирепствовавшей здесь в годы меньшевистского правительства. Младший, Нестор, погиб на фронте. Таким образом, из ближайших

¹ Абхазы не говорят о ребенке «умер», они употребляют при этом «дкьатент», что значит «погас».

родственников как по прямой, так и по боковой линии, у Кыча уже давно никого нет.

Кыч, как его друг Сеуарна, женился довольно поздно, после пятидесяти лет, а жене, Таразие, из рода Акаба (Члоу) исполнилось тогда двадцать пять. Она родилась в год Боль-

Рис. 2

шого снега (1911). Значит они поженились, приблизительно, в 1936 году, у них только одна дочь, которой, как сообщили родители, около пятидесяти лет, замужем в с. Арасадзыхь, имеет шесть душ детей.

Любовь к земледелию Кыч унаследовал от отца, для которого, как сказано выше, оно представляло традиционным занятием. Кукуруза, виноград, табак, чай — вот весь перечень культур, возделываемых Кычом. Работал он умеренно, без каких-либо рывков, как он сам выразился, «не убиваясь». Как правило, в первой половине дня он делал больше, а во второй половине работал неохотно, но вечером у него появлялась новая энергия. «Работал бы я в полную силу — жил бы и лучше», — сказал Кыч в шутку. Как говорится, в шутке доля правды. Свидетельство тому, в данном случае, — скромность его материальных условий. Живет он в традиционном дощатом доме

3493333333
3333333333

на сваях — акуаскья. Рядом с ним стоит амацурта — плетенка из рододендрона с земляным полом, крытая из дранн.

Летом, в свободные от полевых работ дни Кыч всегда поднимался в горы, где его односельчане пасли скот, и отдыхал. По его глубокому убеждению, отдых в горах продлевает человеку жизнь. «В горах воздух совсем другой и пища другая», — твердит он.

По натуре Кыч жизнерадостный, с юмором. Поет и играет на ачамгур², с которым не расстанется до сих пор. В молодые, да и зрелые годы часто приглашали его на коротание вечеров, устраивавшие обычно в доме, где находился тяжело больной человек.

Несмотря на глубокую старость, Кыч чувствует себя бодро, видит хорошо и хорошо слышит. Работает по дому. Серьезно ничем не болел. В молодости курил, но бросил. Алкогольными напитками не злоупотреблял, но пить умел, если в этом возникала необходимость. Нужно будет, и сейчас выпьет, но не много.

До сих пор Кыч принимает активное участие в общественной жизни села, является членом совета старейшин. Ездит на свадьбы, похороны, поминки и другие семейные предприятия, как правило, верхом на лошади. Если же это в окрестностях родного поселка, то ходит пешком, в обязательном порядке с посохом в руке. Выходной наряд его традиционный — черкеска, азиатские сапоги, башлык, бурка и т. д.

Говоря о состоянии здоровья нашего долгожителя, хочется сообщить еще один немаловажный, на мой взгляд, момент. В тот день, когда я нанес ему визит, этот столетний старец сидел на балконе и брился безопасной бритвой. При этом никаких признаков тремора руки не наблюдалось. Наоборот, он пользовался ею так умело, что можно было завидовать.

После непродолжительной беседы с Чалакуа Кыч, я сразу же направился к Ануа Мыджгуа, проживающему, примерно, в двух километрах от него.

Время клонилось к вечеру. Загнав коз в козлятник, слегка опираясь на палку и медленно передвигая ноги, Мыджгуа возвращался домой, когда я зашел во двор его дома.

Дом Мыджгуа старинный, сделан из каштановых досок, размеры его внушительны, и покрыт он шифером. Стоящая рядом амацурта шлакоблочная. Видно, что весь комплекс жилых построек подвергался реконструкции. Двор, в котором он стоит, покрыт зеленой травкой и значительностью занимаемой им площади напоминает красиво ухоженное футбольное поле.

² Четырехструнный инструмент, имеющий широкое распространение особенно в Абжуйской Абхазии.

Хозяин заметил меня, но не обратил на меня внимания. Не узнал. Он подумал, что с работы вернулся сын, Радий, вышеупомянутый председатель сельсовета. Точнее, не сын, а пле-

Рис. 3

мянник. Но об этом позже. Нетрудно догадаться, что Мыджгуа видит и слышит уже неважно.

Жизнь у Мыджгуа проходила несколько иначе. Родился он в семье зажиточного крестьянина Ануа Баджы, известного еще как распорядитель свадебных и погребально-поминальных церемоний. Мать, Амкуаб-пха Мсырхан, считалась умной экономкой и глубоко человеческой женщиной.

У Мыджгуа были три брата — Миха, Каласа и Сиса. Мыджгуа приходился третьим. Старшая сестра сгорела в детстве. Миха лет сорок назад случайно попал в перестрелку, проходившую между некими сванами и абхазами и погиб не дожив и 65 лет. Каласа подвергся репрессии тридцатых годов и больше не вернулся домой. Младший брат, Сиса, умер недавно. Младшая сестра, Сонечка, жива, ей 85 лет.

Традиция позднего вступления в брак не обошла и Мыджгуа.

Женился он, примерно, 55—57 лет. Жену звать Куцнипха Татал, моложе его на тридцать с лишним лет. Детей у них нет и не было. Зато они воспитали девочку по фамилии

Цвижба, проживающую в настоящее время в г. Гагра, вместе со своей семьей, и четырех сыноей Каласы, — без вести пропавшего брата. Двое из них живут с ним под одной крышей, а другие — в Сухуми. Вот, почему я позволил себе назвать Радина сначала сыном Мыджгуа, а не его племянником. И он, и другие относятся к нему с сыновней любовью и глубокой признательностью, с гордостью называя его отцом.

О своем жизненном пути Мыджгуа говорит еще следующее:

«Детство мое прошло в счастливой, здоровой и многодетной семье, хотя, конечно, в те времена семья из восьми человек считалась не очень большой. Родители наши делали все, чтобы вырасти нас добрыми, честными и отзывчивыми. Материнского недостатка не чувствовали, всегда были сыты и одеты. Почти каждое лето время проводили на альпийских лугах. Душевных потрясений я не знал до того момента, когда мой брат, Каласа, оказался в числе «врагов народа». Но заботы о его детях не давали мне возможности думать об этом и горевать. Всецело был занят воспитанием ребятшек. Теперь, слава богу, они ни в чем не нуждаются, на ногах стоят крепко: семейные, работают, живут не хуже других.

Физически я работал с детства, но справедливости ради нужно отметить, что не очень-то сильно. В меру. И то — в личном хозяйстве. В колхозе же я работал в основном на различных руководящих должностях: бригадиром, заведующим фермой, заместителем председателя, председателем. Где бы ни работал, чем бы ни занимался, я старался быть принципиальным и поэтому начатое дело доводил до конца. С людьми общий язык находил легко, за редчайшим исключением ни с кем не ссорился. Тем не менее, в жизни я пережил одну необычную для меня неприятность. По фальшивым доносам одного нашего односельчанина, меня посадили в тюрьму. Но вскоре я доказал свою невиновность и отпустили. По дороге домой мне захотелось выпить и нечаянно упал в колодезь. Целую ночь я промучился в нем и только утром следующего дня хозяева заметили меня и помогли выбраться оттуда.

Физически я был всегда сухощавый, не поправлялся, но чувствовал себя здоровым и сильным. На свадьбах пил много, но не доводил себя до опьянения. Поэтому меня часто выбирали тамадой. В молодости ничего не чувствовал, но на старости лет все это выходит боком. Желудок болит, зрение резко ухудшилось, слышу плохо. Причина — безмерное употребление вина. Необходимо остановить молодежь, любившую веселую жизнь. Относительно застоля хочется заметить, что в прошлом с обязанностями тамады можно было справиться легко. Дело в том, что тогда каждый человек знал свое место. Старший хорошо понимал, что он старший и вел себя солидно и тем самым вы-

зывал к себе уважение со стороны окружающих. Младшие тоже знали, что они младшие, для которых нормой поведения являлось мнение старших. Они всегда были услужливы, предупредительны и исполняли желание стариков беспрекословно. Этот принцип взаимоотношений младших и старших соблюдался всюду, в семейном и в общественном быту. Застольный этикет, особенно, не допускал пререкания и переговаривания со стороны младших по возрасту. Больше всего за столом ценилось красноречие, но немногословие. Сейчас, на современной свадьбе, многие стараются говорить длинные тосты, порою шаблонные, пустые.

Теперь я стар, но должен сказать, что старость я почувствовал только после ухода на пенсию, когда круг моих забот и интересов стали ограничиваться главным образом домом и личным хозяйством. Я не привык без дела сидеть. Нечего неделание — яд. Мои ребята «ругают» меня: «сиди спокойно, отдыхай, что люди подумают». Они думают, что я боюсь за скот или огород. Нет, я боюсь за себя. Если перестану работать, то перестанет работать и мое сердце. Да, и к тому же у них много всяких дел, пусть ими занимаются. А я еще могу, во всяком случае, пропалывать кукурузу у себя на участке».

— Вы курите? — спросил я.

— Да, курил, но не постоянно, лет десять тому назад совсем бросил.

— Я беседовал с Чалакуа Кыч. Он говорит, что ему столько, сколько и Вам.

— Нет, я старше.

— На сколько лет?

— На три месяца. Об этом моя мать говорила, помню. Меня крестили в семь лет. Это было в 1888 году.

В отличие от всех других долгожителей, Сангулиа-пха Фад — исключение: она прожила свои сто лет девой.

«Мы с Джапуу Сеуарна ровесники, а если есть между нами разница, то не больше, чем на один или два года. Кто из нас старше, трудно сказать. Мы с ним выросли, живя бок о бок в Аймаре», говорит она.

Детство и юность у Фад прошли в нормальных семейных условиях. Отец, Сангулиа Шьатажв, жил зажиточно: имел много земли и сотни голов рогатого скота. Были и такие времена, когда он не обходился без наемных пастухов. Умер он после 90 лет жизни. Мать, Адлей-пха Кына, прожила, приблизительно, столько же. Она славилась как редкая мастерица по буркам. Даже князь Хабыгу Ачба носил бурки, изготовленные только ею. «Золотыми ручками» называл он ее, поэтому надолго за ней закрепилось и прозвище «схьынапкуа».

У Фад были два брата, Маныху и Къарантыху, и сестра, Ида, но никто из них не дожил до глубокой старости — умерли от малярии, от паралича.

В детстве она помогала матери во всех ее делах по дому и хозяйству — приготовлении пищи, стирке, уборке, выращивании овощей. Уже с четырнадцати лет могла делать все, что и взрослая женщина.

Рис. 4

В свое время Фад не смогла выйти замуж — слишком уж требовательной была. А когда почувствовала, что уже поздно, она взяла на воспитание мальчика, Женю, и вырастила его. Жене сейчас 61 год, семейный, имеет четверо детей, живет вместе с Фад в одном доме.

Со времени организации колхоза Фад начала работать на табачной рассаде, а после окончания ее сезона занималась и низкой, и ломкой, и сушкой листьев этой однолетней культуры. И, как правило, она не только выполняла план свой, но и

перевыполняла их, за что неоднократно бывала в числе стахановцев данного производства.

Вот, уже лет двадцать как стала жаловаться на свое здоровье. При этом ссылается на тиф, которым она болела в молодости дважды. Но, что именно у нее болит, Фад не может сказать: «Просто, общее состояние плохое», говорит она.

На вид Фад действительно очень стара, ходит с палкой и медленно, видит относительно хорошо, но слышит неважно.

Тем не менее она не очень жалуется на свой аппетит. Ест все, что и другие. Любит вино и пьет его до двух-трех стаканов. Не курит, и не курила.

На вопрос, довольна ли она своей прожитой жизнью, Фад не могла ответить ни «нет», ни «да». «Правда, я не вышла замуж и не имею своих детей, но зато мой воспитанник хороший и живет хорошо. Значит и я довольна». — сказала она в конце, но в тоне и манере ее разговора проскальзывала какая-то неуверенность³.

ДЖИНДЖАЛ ТАРАШ, ЛАСУРИА ТАРКУК И ХАРЕДЖЕЛИА-ПХА
ГУЛИЗА

Житель села Кутол Джьнджал Тараш — старик среднего роста и крепкого телосложения со светлым лицом, большими остроконечными седыми усами и начисто выбритой головой.

Как всякий абхаз, Тараш принял меня весьма радушно. Поскольку я пришел к нему в полдень, когда летняя жара заставляет все живое искать тень, мы с ним расположились во дворе, под лавровишней. Судя по его одежде, Тараш только что вернулся с работы. Еще в сельсовете мне сказали, что он выращивает столько табака, что ему позавидует любой молодой член колхоза. Ежегодно он сдает государству сотни килограммов качественного самсуна, идущего на ароматизацию других сортов табака.

Когда я представился и сообщил с какой целью пришел, Тараш ответил мне, ссылаясь на свою старость, что он не блещет как сказитель. Все это было сказано им, конечно, из-за присущей абхазским старикам скромности. На вопрос, сколько ему лет, Тараш ответил: «Девяносто три», и не ожидая от меня верификационного приема уточнения, он добавил: В 1893 году некий священник по фамилии Векуа подверг меня и моего старшего брата, Тархуна, крещению. Тогда мне было три года. Поэтому по метрическим данным мне как будто девяносто, а на самом деле «девяносто три года».

³ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та, А. 23.

Отец Тараша, Джинджал Петра, считался одним из самых крепких и уважаемых крестьян в селе. Несколько десятин земли, более двух десятков голов крупного рогатого скота, шесть лошадей входили в его хозяйство. Из жилых построек у Петра были амацурта и акуаскья.

Рис. 5

«Зимой, когда земля покрывалась снегом, — говорит Тараш о формах ведения хозяйства его семьи, — скот держали в помещении, а как только пастбища освобождались — скот выгоняли на прибрежные районы, где его поили также и морской водой, поскольку нам всегда не хватало соли. С наступлением весны, мы начинали постепенно двигаться в предгорье, а летом поднимались в высокогорные луга. Таким образом, за исключением нескольких зимних дней, скот держали круглый год на подножном корме. В нашем хозяйстве имелось также много свиней, но мы им никогда не давали ни одного качана кукурузы, — их кормил лес. А когда подходило время продажи, мы туда отправлялись и ловили их с помощью собак, насколько они дичали».

Мать Тараша, Блы-пха Хбылкан, родом из с. Пакуашь, родила восемь детей. Тараш был предпоследним. Самая стар-

шая сестра и младший брат умерли в детстве. Средний брат, Нестор, за несколько лет до советизации края абреки боочно убили, приняв его за виновника гибели их близкого друга. Из числа других, кроме двух страших братьев, Куалашь и Тархуна, и сестры, Куакуына, умерших сравнительно недавно, до старости никто не дожил — умерли кто от малярии, кто от тифа. Мать скончалась в год Большого снега, отец — в 1932 году, перешагнув за сто лет.

В доме отца жил и живет Тараш. Физически труд он познал рано. В частности, в детские годы, примерно в 7—10 лет, на нем лежала обязанность присматривать за телятами. Уже в 12—14 он помогал отцу и взрослым пропалывать кукурузу, возводить ограды, возить на арбе дрова и прочую необходимую в хозяйственном быту кладь, а с 16 лет свободно без помощи других справлялся с нахотным орудием.

Женился Тараш в 23 года, а когда ему было немногим более 30 лет, он уже стал отцом четырех детей. Старший сын утонул двадцатилетним. В 1931 году от болезни печени скончалась и жена. Через пару лет он женился вновь, но жил с женой только восемь месяцев — не сошелся характером и развелся. Интересно, что первая жена была старше Тараша на год, вторая — на два, а третья, с которой он сейчас живет, наоборот моложе на... 35 лет. К тому же, она родила сына, когда ему было 75 лет. Помимо того, Тараш воспитал русского мальчика по имени Жора, которого он нашел беспризорным во время войны, в Сухуми. Тараш долго воздерживался говорить о нем, а когда все-таки заговорил, прослезился: Жора умер два года назад. Но Тараш тешитя тремя его детьми, от которых он имеет еще внуков.

Кроме невзгод, которые Тараш пережил из-за преждевременной смерти матери, трех братьев, сестры и двух сыновей (заметим, что приемного сына он не отделяет от собственных), в личной жизни его были и другие драматические события. Первое. В 20-х годах он вместе со своим братом, Куалашь, некоторое время находился в заключении по обвинению в непреднамеренном убийстве. О том, как это случилось, Тараш говорит следующее:

«Моя двоюродная сестра приглянулась одному молодому человеку (Тараш не захотел сказать мне ни фамилии, ни имени его), а она отказалась выйти за него замуж. После этого он стал угрожать ей. Однажды вечером, во время ужина во дворе залаяли собаки и тут же раздались выстрелы. И мы схватили свои оружия и пустили в ход в ту сторону, откуда стреляли они. Во время перестрелки двое неприятелей погибли. В результате я и мой брат, Куалашь, оказались за решеткой. Оказывается это были вовсе не наши враги, которых мы ожидали в любое время дня и ночи, а сотрудники милиции. Оказыва-

ется, за день до этого несколько вооруженных дезертиров, бежавших на юг, попросили моего брата, Куалаша, показать дорогу на Зугдиди. Брат был немой, но слышал неплохо и провел их до указанной дороги. В знак благодарности они подарили ему винтовку с патронами. А когда эти дезертиры попали в руки местной власти, сказали, что якобы в селе Кутол их обезоружил какой-то немой. Девять месяцев мы с братом сидели под следствием, пока не оправдали нас в результате судебного разбирательства. Оправдали благодаря тому, что мой брат не умел говорить, а я молчал. Абхазы говорят: умное слово — серебро, а молчание — золото».

Второе событие связано с войной.

По словам Тараша, вначале войны, когда ему было за пятьдесят, естественно, поэтому не подлежал демобилизации, по существу случайно попал в армию. «Племянник мой — сын старшего брата работал комиссаром села. Однажды он зашел ко мне и попросил поехать с ним в Очамчире, в военкомат. Он должен был явиться к военному комиссару с призывниками, но не смог собрать столько, сколько полагалось, потому и пригласил меня для галочки, поскольку я по возрасту отпадал. Я согласился и поехал с ним. И что же? Военком даже не спросил меня, сколько лет, и в срочном порядке отправил в армию. Одним словом, служил, но на фронт не взяли.

По своей природе Тараш чрезвычайно трудолюбив. Об этом свидетельствует даже его личное подсобное хозяйство. На большей половине участка растут всевозможные плодовые деревья, имеется большой виноградник. Недалеко от дома он возделывает табак для колхоза. Вообще табаководство является для него профессиональным занятием, так как занимается им еще с дореволюционных времен. По своим жилищно-бытовым условиям, Тараш несколько не уступает своим молодым соседям. Все это результат его многолетнего и упорного физического труда.

Как уже отмечалось, Тараш долгое время жил вместе с отцом. Пока отец был жив, он не чувствовал большой ответственности за семью, дом, хозяйство и т. д., а после смерти отца все это легло ему на плечи. В начале было трудно, но потом постепенно привык. Любая работа стала для него обыкновенной и не вызывала никаких нервных перегрузок.

В молодости в течение дня Тараш работал равномерно, не чувствуя сильной усталости. Но уже в зрелые годы начал ощущать что после обеда он не может работать с такой энергией, с какой — до обеда.

Наиболее трудоемким временем года Тараш считает осень, когда приходит пора собирать урожай за очень сжатый срок и убрать с поля корм для скота.

Всю жизнь Тараш был очень подвижным. Ходил много. Только с наступлением преклонного возраста он заметно убавил свою двигательную нагрузку. В настоящее время он полностью связан с хозяйством и домом. При этом сказать, что Тараш трудолюбив, слишком мало. По его словам человек вне труда — мертв.

С любимым человеком Тараш находил общий язык. Впрочем, жизнь научила его мегрельскому, армянскому, турецкому и русскому языкам, на которых он разговаривает, конечно, не так, как на абхазском, но довольно неплохо. Как он выразился, Тараш знает эти языки так, чтобы мог разговаривать даже с немым и довести свою мысль до глухого. Этими словами он напоминает мне образное замечание английской поэтессы Каролины Бови: «Доброта — язык, на котором немые могут говорить и который глухие могут слышать».

В настоящее время недельный хронометраж нашего долгожителя выглядит так: утром встает перед восходом солнца. После утреннего туалета, ухода за скотом и других дел по дому, легкий завтрак и снова приступает к основной работе в соответствии с временем года. Он выполняет все без исключения работы, считающиеся мужскими. В течение дня отдыхает три-четыре раза и более. Каждый отдых длится пятнадцать—двадцать минут, в зависимости от степени физической нагрузки. Наиболее плотно он ест во время обеда. Спиртные напитки принимает редко и мало. Да и в прошлом пил умеренно. Иногда его выбирали и тамадой, особенно на поминках. Как правило, в полдень, после приема пищи немного поспит. По его мнению, сон дает человеку новую силу, именно дневной сон. После ужина посидит, обычно, у телевизора. Любит поговорить о политике.

Что касается самооценки его здоровья, то Тараш особенно не жалуется. Видит и слышит хорошо. За всю свою жизнь он болел лишь один раз, и то — малярией. Следовательно, в больницу не ходил, скорой помощи не вызывал, лекарств не пил.

В конце нашей беседы я задал Тарашу несколько вопросов о продолжительности жизни человека вообще:

— Все-таки, сколько лет должен жить человек?

— Не меньше ста.

— Вам девяносто три. Возраст у Вас солидный. Как Вы думаете, что способствовало вашему долголетию?

— До ста лет нельзя считать долголетием. Этот рубеж я должен преодолеть, потому что сто лет это мое. Но если я буду жить дольше, то это уже подарок.

Следующего долгожителя, о котором речь будет идти ниже, зовут Ласуриа Таркук. Тоже уроженец села Кутол, старый друг и ровесник Джинджал Тараша.

Ласурна Тагук выглядит моложе своих лет, но это совсем не удивительно. Он потомок тех ласуриевских мафусанлов, которые долгое время считались «рекордсменами» данного села. Отец Таркука, Осиан, прожил 111 лет, дед Урыс, — 128. Но всех опередила небезызвестная Хьфаф, на счету которой 143 года.

— Ведь, за редким исключением, наши предки не умели читать и писать, интересно, как они устанавливали свой возраст? — спросил я Таркук.

— Дедушка мой, Урыс, говорил, что в прошлом люди вели счет при помощи палочек, на которых ежегодно наносили нарезь, — ответил он.

Рис. 6

Нелегкую жизнь прожил Таркук. Когда ему было всего три месяца, мать, Куцниа-пха Хьыц, умерла. О том, как это случилось, Таркук рассказывает: «Однажды совершенно неожиданно матери моей стало плохо. И как-то она смогла позвать свою соседку, Бжьаниа-пха Мкыд, на помощь. Но когда почувствовала, что пришел конец, она попросила ее взять меня на воспитание и воспитать вместе со своими детьми. Так, до четырехлетнего возраста я воспитывался у соседки. Затем меня забрала жена моего дяди по отцу, Сабакниа-пха Селымхан, у

которой было также семь душ детей. Через три года я оказался в доме дедушки со стороны матери, в котором жили женатые и имевшие по шесть детей мои дяди, Ормат и Куакуана Куцина. Там, в селе Атара — на родине матери — я пошел в школу, учился год. А когда отец мой женился, мне пришлось переехать сюда, в Кутол. Матерью стала Багателна-пха Хьфаф — та самая долгожительница, о которой так много говорят и пишут¹. Мне было тогда десять лет. Поскольку Хьфаф не родила от моего отца никого, я являлся единственным сыном не только у отца, но и у нее. Она относилась ко мне как нельзя лучше и я любил ее».

Незадолго до своей смерти Хьфаф повела Таркук на кладбище и сказала ему: «Ты, сын мой похорони меня рядом с дедушкой, я скоро умру». «Зачем, разве ты не желаешь рядом с моим отцом?» Спросил он. Хьфаф ответила: «Нет, твой отец теперь с твоей родной матерью. Она как первая, к которой он прикоснулся своим телом, должна быть с ним».

И как не парадоксально, ровно через недалью умерла Хьфаф. И Таркук выполнил ее наказ.

Отец Таркука, Осман, был независимым крестьянином и занимался своим хозяйством: выращивал зерновые культуры, разводил скот, в том числе хороших скакунов. Традиция эта перешла и к Таркуку. Амбар его был всегда полон кукурузы, остродонные кувшины и бесконечные бочки служили для хранения черного вина, а природные условия местности позволяли держать и коров, и буйволиц, и коз и овец. «Отсюда до селения Кочара, где сейчас живут переселенцы, простирались огромные проселочные пастбища, богатые сочными травами и широкими лесами. В настоящее время скоту негде пастись...» — с сожалением говорит он.

Самостоятельно, как он сам выразился, по-мужски Таркук начал приобщаться к физическому труду с шестнадцати лет. Такое сравнительно позднее начало трудовой деятельности не характерно для абхазских долгожителей. Но и причина тут ясна — непостоянство места жительства в детстве.

Живя уже в доме отца, в молодости Таркук занимался всеми хозяйственными делами. Работал много и интенсивно, так как в семье не хватало мужских рук. Тем не менее отец Таркука умел находить свободное время для единственного сына. Когда Таркуку исполнилось восемнадцать лет, он ему говорит: «Одной только работой в личном хозяйстве человеком не станешь. Вот тебе конь, вот тебе седло. Езжай. Познай мир. Узнай людей. Но при этом помни, что необходима и обратная связь. Люди должны знать и тебя, относиться с уважением, а уважение нужно заслужить». Эти слова Таркук запомнил твердо, и стали они для него в дальнейшем как бы девизом жизни.

Много ездил Таркук по Абхазии и Западной Грузии; ездил также на Северный Кавказ — в Кабарду, Адыгею, Дагестан. Заимел хороших друзей. Среди же односельчан стал пользоваться заслуженным авторитетом. Об этом говорит и то, что более трех десятков лет он является постоянным членом Совета старейшин села, а в более молодые годы входил и в правление колхоза, неоднократно избирался депутатом в местные советы.

Таркук женился когда ему было 34 года, а жене Цвиж-пха Катiane, 29. Через три года у них родился первый ребенок. Затем пошли и другие — три дочери и два сына: Гуилпа, Маника, Цабу, Куаста и Язбей. Старшей дочери сейчас 54 года, младшему сыну — 42. Все они семейные, имеют детей, работают в общественных организациях.

В колхоз Таркук вступил несколько поздно. Он, как и другие жители данного поселка, долго не понимал его. А когда он понял преимущество коллективного хозяйства, Таркук с удовольствием стал в его рядах. Причем, он подарил колхозу пару хороших быков, так называемых аштацвуа⁴.

В годы Великой Отечественной войны Таркук, как и многие другие его односельчане, не призванные по возрасту на службу, работал в колхозе и в силу своей возможности помогал фронту. В одно время он даже был руководителем группы колхозников, доставлявших нашим войскам, действовавшим на перевалах Кавказа, боеприпасы, обмундирование и продукты питания.

В послевоенные годы Таркук вновь стал в числе передовых колхозников, делавших все, что от них зависело для восстановления народного хозяйства.

Как и все другие долгожители Абхазии, Таркук любил работать и результатами своего многолетнего труда доволен. Он доволен также и жизнью своей, хотя была она очень нелегкой.

И старость свою Таркук проводит интересно. Он как участник ансамбля долгожителей Абхазии выступает на сценах театров страны и Европы. Только смерть жены, скончавшейся двенадцать лет назад, несколько пошатнула его, но позиции свои он не собирается пока сдавать. Самочувствие у него хорошее, настроение бодрое. По утрам встает раньше всех в доме, разведет огонь, выгонит скот в лес. Днем возится в саду, ухаживает за виноградником. Только ревматизм, на который он жалуется уже несколько лет, не дает возможности работать в полную силу.

Одним из важных факторов долгожительства Таркук считает своевременное вступление в брак. «От ранних браков, — говорит он, — рождаются физически слабые дети, лишенные способности жить и работать долго». Нормальный возраст для

⁴ Аштацв — буквально бык, выращенный во дворе, дома.

женитьбы, по его мнению, 30—35 лет. Очень важным он считает также активное движение: пешая ходьба, верховая езда. В молодости Таркук отличался ловкостью. Говоря словами поэта:

Еще совсем недавно
Горцевал хозяин славно,
На скаку стрелял он метко,
Поднимал с земли монету.

Таркук и до сегодняшнего дня не может без лошади. Как правило, на свадьбу, похороны и другие народные сходы он ездит верхом на лошади, за которой ухаживает как за ребенком. «Пока жив, буду ездить на лошади, — говорит Таркук, — если умру, то хочу и прошу своих близких родственников и соседей чтобы в день похорон устроили «атарчей» и спели «азар»⁵.

И Джинджал Тараш, и Ласурна Таркук уверяли меня, что старше Харзалиа-пха Гулиза здесь, в селе Кутол никого нет, что она вышла замуж за Харзалиа Степана поздно, что первого ребенка родила в тридцать пять лет, не меньше.

Увидев нас у ворот (меня сопровождал директор Кутольского Дома культуры Водик Джинджал), старая Гулиза стала спускаться вниз по лестнице дома спокойно, не отрывая глаз от ступенек, как бы измеряя свои чрезмерно короткие шаги и вместе с тем вырываясь от тяжелого одиночества.

— Заходите, нан, заходите! Не обращайтесь на меня, сгорбленную старуху, внимания. — пригласила она в дом.

Глубокие раны морщин, сеточкой покрывающих ее лицо, бросаются в глаза, свидетельствуя о душевных страданиях и скорби, которые переживает она.

«Ровный, просторный зеленый двор, обнесенный живой изгородью, старинный дощатый дом на высоких сваях и покрывающаяся черной сажей амацурта, высокие серебристые яблони и обвитые толстыми лозами старые альховые деревья, редко стоящие в усадьбе хозяйки, хранят тайну жизни; некогда кипевшей здесь, за очагом. Они являются еще как бы магической силой, которая двигает до сих пор эту старую женщину» — подумал я, когда зашел во двор и увидел Гулизу. Это впечатление еще больше усилилось в зале дома, где на стенах и на столе видны различного размера фотографии совсем юного и очень милостивого молодого человека. Это ее сын!

Уловив мой взгляд, старушка встала и подошла к одной из них. Да, нан, это мой Джумка... Он учился в Москве, в институте с Аргун Хазаратом, — ты наверное знаешь его, про-

⁵ Атарчей — конно-спортивное соревнование; проводившееся в прошлом в день похорон мужчины. Азар — песня наездников.

фессор, в Абхазском университете работает... В двадцать лет ушел на фронт. Одно только письмо получили мы от него. Больше ничего. Кто знает, может быть жив, бродит где-нибудь,

Рис. 7

голодный, холодный среди чужих... Раньше я думала, что дождусь возвращения сына, но уже перестала этому верить...».

Крайне пессимистический настрой этой старой женщины — неизгладимый след войны, которая унесла жизнь ее любимого и единственного сына, не дает ей хоть сколько-нибудь подробно говорить о своем прошлом. Только соединение отдельных моментов ее долгой жизни, о которой мы собрали крупницы сведений, позволяют сделать небольшой экскурс в ее биографию.

Отец Гулизы (Гуагуа), Куцниа Мырзакул, славился как зажиточный и на редкость хлебосольный крестьянин, но умер рано, недожив и до пятидесяти. Мать, Сангулиа-пха Каимытхан, ползовалась также большим авторитетом и прожила семьдесят лет.

Гулиза была третьим по счету ребенком в семье. Всего их было шесть, из которых до глубокой старости дожили только двое — сама Гулиза и ее младшая сестра, Кауида (с. Дранда). Долгую жизнь прожили только дедушка и бабушка по отцу, как она говорит, больше ста лет. И больше в ее роду долгожителей не было.

В молодости Гулиза занималась главным образом рукоделием — вязанием и тканьем. В пятнадцать лет она получила в подарок от матери швейную машину, представлявшую в то время чрезвычайную редкость во всем селении Атара. В последствии Гулиза стала модисткой, как ее называли односельчане, шила как женскую, так и мужскую одежду. Бывало, что она занималась шитьем целыми днями, особенно во время несчастных случаев где-нибудь в селе, — когда ее приглашали для изготовления траурной одежды. Эту работу она выполняла, конечно, даром, если не считать заказов молодых людей, которые делали за это небольшие подарки.

Гулиза умела веселиться, быть в центре внимания окружающих людей: пела и играла на ачамгуыре, танцевала. Для всего этого у нее были хорошие данные — и голос, и музыкальный слух, и рост, и стройная фигура. Часто она ездила в гости к родственникам, проживавшим далеко за пределами своего села, где задерживали ее обычно неделями, иногда и больше. В сопровождении старших членов семьи ходила на праздничные вечера, проводывала больных, если таковые были, скажем, по соседству, с целью отвлечения их от боли и т. д.

Долго выбирала Гулиза среди женихов, и только в 30—32 года вышла замуж за Харзалиа Степана. Родила всего троих детей — двух дочерей и сына. Воспитывая детей и работая по дому и по хозяйству, Гулиза и здесь продолжала заниматься своим любимым делом — кройкой и шитьем. А после вступления в колхоз, к ее занятиям прибавилось также табаководство, ставшее в конечном итоге для нее главным.

Еще до войны, муж Гулизы, Степан, оказался в исправительной колонии за участие в убийстве одного односельчанина. За семь лет отсутствия мужа, Гулиза выполняла все без исключения работы — как женские, так и мужские, вплоть до прополки кукурузы и сбора винограда на высоких деревьях. Ездила на рынок для реализации излишка зерна, вина и других продуктов питания, хотя торговля у абхазов была, как известно, далеко непочетным занятием. Своим трудом она не давала детям почувствовать недостатка ни в еде, ни в одежде. Более того, осиротевшие братья, Тема и Леуа Джалагония и Цнарна Кыпса, которых в свое время крестил ее муж, переселились к ней. Для этих подростков Гулиза стала второй матерью. Один из них, Леуа, не ушел от нее до совершеннолетия.

Гулиза отличалась редким гостеприимством и сердечностью. Когда в село приезжали гости из района, руководители колхоза, обычно, приглашали их в дом Харджелна.

В 1970 году муж Гулизы умер. С тех пор она живет в одиночестве (дочери — семейные, живут отдельно, к тому же старшей, Любе, уже 73 и является она прабабушкой). Тем не менее, если не считать утраченных зубов, Гулиза не знает что

такое болезнь. До сих пор она справляется с приготовлением пищи, выращиванием овощей и другими более или менее легкими работами. А при необходимости, ей помогают родственники и соседи. Часто Гулизу навещает и Аргун Хазарат — выше-названный профессор Абхазского государственного университета, которого она усыновила после возвращения его с фронта. Хазарат был ближайшим другом и однокурсником ее сына. Поэтому он является самым желанным гостем в ее доме.

После непродолжительной беседы, Гулиза поклялась именем своего сына, что пока не угостит, она нас не отпустит. При этом старушка попросила моего проводника, Водика, помочь ей накрыть на стол.

— Не стесняйтесь, нан, ешьте и пейте! Представьте себе, что рядом с вами сидит мой сын, Джумка. Он любил посидеть с друзьями. — говорила Гулиза, всячески скрывая свое горе. Просто, она хотела поднять нам настроение.

ДЖАПОУ ТАРАШ И ДЖАПОУ-ПХА МАКТИНА

— Мне очень много лет. Не меньше 120. Ты спрашиваешь, откуда я знаю? Скажу. Около тридцати лет тому назад умер один мой однофамилец — Джапоу Мхаджир. Моя мать говорила, что он был моим ровесником. Его наречили Мхаджир, в честь уехавших в том году в махаджирство родственников⁶. Ну-ка, посчитай, сколько лет прошло с тех пор. — говорит Тараш, когда я спросил о том, когда он родился.

— 105, — отвечаю я.

— Нет! Ты ошибаешься. Мне больше, — твердит он.

— Как звали Вашего отца? — спрашиваю я.

— Я сын Джапоу Маныху, того самого, который на народном сходе, состоявшемся в Гагре, скакал на необъезженном турецком коне, — ответил он гордо.

В Абжуйской Абхазии нет наверное человека, который бы не знал Джапоу Тараша, старейшего жителя предгорного села Отап, знаменитого винодела и великого юмориста, бессменного члена совета старейшин района и солиста прославленного в нашей стране ансамбля абхазских долгожителей «Нартаа». Тараша можно встретить в любом уголке республики: на свадьбах, похоронах, поминках, скачках. И, как правило, всегда одет он в черкеску, которая так хорошо сидит на нем. Судя по тому, как Тараш держится в обществе, можно подумать, что этот жиз-

⁶ Махаджирство — (от араб. мухаджерет — переселение) процесс массовой миграции кавказцев, в том числе абхазов в Турцию и другие страны Ближнего Востока, имевшее место в XIX в. во время Кавказской и Русско-Турецкой войны.

нерадостный старик никогда ни на что не жаловался, жизнь у него была полна одних удач и радостных событий. Но это не совсем так.

Рис. 8

Неожиданно, в двадцать девять лет умер Маныху — отец Тараша. Мать Тараша была второй женой отца. С первой он развелся, имея от нее три сына. Вскоре умерла и мать Тараша. В это время первая жена была уже замужем в с. Пакуашь, где и воспитывала она своих детей от отца Тараша, Маныху. Тараш и его две младшие сестры остались в доме без присмотра. Тогда первая жена их отца, проявила исключительную сердечность — этих сирот она переселила в свой дом. Только в двадцать лет Тараш вернулся в отчий дом, где живет и в настоящее время. Таким образом, в молодые и зрелые годы Тарашу приходилось работать очень много, как он об этом говорит, с «рассвета до захода солнца».

В годы организации коллективного хозяйства, Тараша выбрал председателем в местечке Мрамба. Однако, отдельные члены этого производства, у которых возникло сомнение в имуществе колхоза, вышли из него. «Раз Тараш-хага (так называли его шутя за то, что он был на вид легкомысленным) руководитель, то дело это не серьезное», — подумали они. Но не прошло и двух месяцев, Тараш нашел со всеми общий язык и дело пошло как нельзя лучше.

Сообщая о своих физических данных, Тараш говорит: «В молодости я часто проводил время в горах, где пасли скот братья Кыасоу и Пена Аршба. Около стоянки собиралось много ребят — любителей играть аймцакыча. Пена заодно устраивал соревнования по борьбе. В них принимал участие и я. Но не было случая, чтобы кто-нибудь меня переборол. Единственным моим соперником был Амичба Гуакъ из Тхина — молодой человек небольшого роста, но жилистый и очень ловкий. Победители награждались небольшими кожаными тесемками. Я эти тесемки хранил долго, но потом растерял.

Во время большого снега наш буйвол упал в пропасть. Не смотря на то, что мои братья Нестор и Леуантиа, были старше меня, они тянули скотину за рога, чтобы вытащить его, а я один — за хвост.

В ловкости же трудно было также со мной сравниться. Однажды, в селе Пакуашь был какой-то праздник. Молодежь играла в аймцакыча. В углу поляны, где проходил праздник, устроили перепляс. Мой родственник, всеми уважаемый Джинджал Басят, пустил меня танцевать с дочерью Арыш Хацакыач, Хьыкуа. Молодая и очень красивая была она. Вот, танцуя с ней, я видел мяч, упавший прямо между мною и ею. Я поднял его и стрелой помчался к воротам. Бросив мяч в ворота, я вернулся обратно и продолжил танцевать. Люди, стоявшие вокруг нас, вовсе не успели заметить мое отсутствие».

В прошлом Тараш увлекался также верховой ездой. Как он говорит, без лошади не мог жить. Покупал скакунов. Не раз он ездил в Карачаевск, Кабарду, Адыгею и другие районы Северного Кавказа. Он ездил туда еще в составе телохранителей князя Францыза Ачба, особенно в Сванетию, откуда была родом его жена. Вместе с ним гостил в доме сванского князя Тенгиза Дадешкелиани. В начале двадцатых годов Тараш являлся членом военной экспедиции, созданной для ликвидации антисоветских элементов на территории Абхазии, в частности в пограничном районе со Сванетией. За проявленную храбрость и преданность Советской власти командующий этой экспедицией подарил ему именное ружье.

В брак Тараш вступил поздно, когда ему уже было больше пятидесяти лет. То есть это было в тридцатых годах, как раз в том году, когда он работал в Мрамбе в качестве председателя

колхоза. «Иду по проселочной дороге и вижу идет навстречу мне молодая девушка. Она сразу приглянулась мне. Когда она поравнялась со мной, я повернулся к ней и схватил ее за талию».

— Ты кто, сумасшедший? — спросила она меня удивленно.

— Нет. Нормальный. Выходи за меня замуж.

Так мы и познакомились с ней, хотя долгое время она всерьез не принимала моего предложения. Ей было тогда семнадцать лет. Я женился еще и потому, что в свое время мне нравилась ее мать, ныне моя теща, которая моложе меня на шесть лет. Хотел отомстить ей».

А когда я спросил жену Тараша, Валю, правда это или нет, она засмеялась и сказала: «есть и правда, есть и ложь».

У них три сына и две дочери. От старшего сына, Тото Аджапуа — композитора и певца Абхазской государственной капеллы, имеют одного внука.

Жизнью своей Тараш доволен. Она стала еще больше интересной после вступления в ансамбль долгожителей. Он с гордостью рассказывает, как этот коллектив занял первое место во Всемирном фестивале этнографических ансамблей, проводившемся в Будапеште в 1974 году, и привез с собой «Золотой павлин».

В заключении отмечу, что в роду Тараша были еще несколько долгожителей. Как, например, старший брат его, Нестор, прожил до ста лет. «Если бы не его единственный сын, — говорит Тараш о своем брате, — то он мог бы быть в живых и сегодня. Он был очень здоровый человек». Сын Нестора, будучи двенадцатилетним, работал председателем сельсовета в 1942 году и погиб от пули вражеского десантника. Нестор похоронил его во дворе, справа от входных ворот. Он вместе со своей женой до последних дней своей жизни спал у могилы сына. Долгую жизнь прожили также двоюродный брат Тараша, Карачипа Джапоу Куакуа, и дедушка Кунач, перевалившие за сто.

Дальше речь пойдет о 90-летней жительнице того же селения Джапоу-пха Мактине — жене вышеназванного Джапоу Куакуа, скончавшегося лет двенадцать тому назад в возрасте более, чем сто лет.

Мактина или Машькуала, как ее звали до замужества, родилась в нуклеарной семье одного из крупных скотоводов с. Гуада Хатхуа Хауд. По счету Мактина была предпоследним ребенком из шести душ детей в семье. Естественно, поэтому она очень рано познала физический труд, сначала как помощница матери, затем вместе со старшими сестрами, занимавшимися различными делами домашнего хозяйства. Уже в 12—13 лет Мактина самостоятельно готовила пищу для всей семьи, вязала, ткала, шила, обрабатывала шерсть, лен. Без помощи извне она сама приготовила себе ряд элементов приданого: полотенца, наволочки, простыни, скатерти, занавески и пр. Бывало, что

Мактина, как и другие ее сестры ездили вместе с отцом в горы, где он пас скот каждое лето. И там она не могла сидеть без дела; занималась вязанием носков как для себя, так и для других членов семьи.

Замуж Мактина вышла примерно, в 22—24 года. Муж был старше ее на 22 года, но он выглядел моложе своих лет.

Рис. 9

«Я была уверена, что он трудолюбив и может создать семью, к тому же выглядел весьма недурно», — поясняет Мактина свое решение выйти за Джапоу Куакуа. Действительно, Куакуа славился как великолепный крестьянин, умеющий, как говорится, по-мужски трудиться и по-мужски есть. И Мактина была «не насытной» по отношению к труду — она могла работать и днем и ночью. Вскоре Куакуа и Мактина построили новый двухэтажный дом. Затем пошли дети 12 душ. И, что интересно, деторождение никогда не мешало ей в хозяйственном быту, и наоборот, хозяйство — в воспитании детей. Старшей дочери сейчас 65

лет, младшей — 43. Четверо детей умерли еще совсем маленькими, средняя — в 40 лет. От единственного сына и остальных дочерей она имеет 18 внуков и 20 правнуков.

Из братьев и сестер у Мактины уже никого нет. Умерли. И долгожителей в ее роду не было, во всяком случае она таковых не помнит.

В колхозе Мактина занималась главным образом питомниковым хозяйством — табачной рассадой. В общественном же быту она была бессменной распорядительницей свадебной и похоронной церемонии. Помимо всего этого, и до сего дня она не расстается своими любимыми занятиями — вязанием, тканьем и шитьем. Видит и слышит хорошо. Ходит еще довольно быстро. Как сообщают ее соседи и родственники, она не может без физического труда, чем-то должна заниматься. Не сидится. Утром встает очень рано. Готовит пищу. В хорошие дни занимается огородничеством. Выращивает кольраби, из которой она делает соленье, разные сорта перца, бахчевые и т. д. и т. п.

Как правило, днем несколько раз отдыхает, но без сна. И в более молодые годы она не знала, что такое дневной сон.

Еще одна «профессия» у Мактины. Это народное акушерство. Она занималась им более четырех десятков лет. За все это время она приняла сотни родов. И, как правило, всегда удачно. «У Мактины волшебные руки», — говорили ее односельчане.

— Что способствует долголетию? — спрашиваю я Мактину в конце нашей беседы.

— Труд и желание делать людям добро, — отвечает она. И в этом она уверена⁷.

КУЦНИЯ КУАТ И АЮДЗЫ ЛЕУАРСАН

«Если среди абхазских долгожителей есть человек, желающий себе еще одного долголетия, то это в первую очередь Хабаху-ипа Куцния Куат». Так говорят все, кто его близко знает. И что интересно, — каждый из них скажет, что Куат выглядит сегодня так же, как в тот день, когда его впервые увидел. Действительно, Куат считает себя счастливым не только потому, что без старости он уже перевалил за сто лет, но и потому, что все без исключения его потомки стали такими, каким он хотел их увидеть. От сына и двух дочерей Куат имеет десять внуков и восемнадцать правнуков. Одни из них заняты общественно-полезным трудом, другие еще учатся в высших или среднеоб-

⁷ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та, А. 23.

разовательных школах. Есть и совсем маленькие, которые едва начинают ходить.

Традиция долгожительства была характерна и для родных Куата. Его отец, Хабаху, прожил более 90 лет, дед — отец Хабаху, Гыд, — 100. Глубокими старцами умерли и братья

Рис. 10

отца — Баджы, Таджара и Бабыгу. Долгую жизнь прожила, говорят, также и бабушка — жена Гыда, Воу-пха Кьтат. Когда Куат родился, все они жили вместе, в одном доме и вели общее хозяйство. У Баджы было двое детей — Марикуа и Никуа. Двух детей имел также Таджара — Надю и Сикую. Бабыгу четверых.

Сегментация этой большой семьи на малые началась еще при жизни дедушки и бабушки. Первым отделился Баджы, через год за ним последовал Хабаху — отец Куата, затем и Таджара и Бабыгу. Дома они построили в одном общем дворе с отцовским. Невестки по очереди ухаживали за стариками, готовили им еду. «Старики сами предпочли жить отдельно, чтоб не чувствовать себя обузой для остальных», — так объясняет Куат этот вовсе нехарактерный для семейных отношений абхазов факт.

При сегментации основное хозяйство семьи, представлявшее главным образом большое стадо мелкого рогатого скота (как он говорит, до тысячи голов), было разделено братьями поровну, с незначительным преимуществом старшему (аихаб ихутаа). А на долю отца, как наставника, определили еще больше. Каждый из них имел отдельно и скотники. Однако, во время нахождения в горных пастбищах, братья пасли скот вместе, при необходимости отпуская друг друга для выполнения земледельческих работ на приусадебном участке. При этом Куат отмечает еще, что земля у них была мало пригодна для возделывания зерна. Поэтому им приходилось обменивать скот и шерсть на продукты земледелия у жителей более плодородных равнинных земель.

Куат, как единственный сын у отца, с детства начал заниматься хозяйством. Уже будучи шестнадцатилетним юношей, он стал самостоятельно пасти скот даже в горах. Было и такое время, что количество его скота доходило до 800 голов.

В 1920 году, когда в крае правили меньшевики, жилые постройки семьи Куаты сгорели до тла. Это было делом рук меньшевиков, но они пустили слух, будто это сделали большевики. Отец был уже стар. И Куат при помощи односельчан построил амацурту из рододендрона и акуаскья — дощатый дом из каштана на сваях. Затем он научился мастерить столы, стулья и прочие предметы домашней утвари.

Вскоре после этого Куат женился. Как он предполагает, ему было тогда около 50 или 55 лет, а жене — 20—22 года (она умерла четыре года назад в возрасте 72 лет).

Коллективизацию Куат встретил с радостью, хотя он не вполне еще понимал ее значение. И дальнейшая трудовая биография его неразрывно связана с колхозной фермой, где он проработал до глубокой старости. «Еще когда я учился в седьмом классе, — говорит Куцниа Отар, внук Куата — учитель по образованию, — я с дедушкой ходил в горы и все лето находился вместе с ним на стоянке, помогал ему в пастушеских делах. В свободное время он учил меня стрелять из охотничьего ружья. Дедушка и сам очень любил ружье и часто ходил на охоту». Куата и сейчас влечет охота. Если бы не ноги, которые у него постоянно болят, он мог бы до сих пор ходить на охоту, так как отлично видит и стреляет метко. Болезнь ног у Куата началась еще в молодые годы. Он находился в горах, когда неожиданно испортилась погода — выпал снег. Как нарочно, в негодность пришла и его обувь из сыромятой кожи, а чинить ее не было времени — нужно было перегнать скот. В результате, больше, чем половина дороги прошел босиком. Теперь, даже в летнее время ноги у него немеют, трудно ходить. Тоскуя по охоте, он начал даже курить. «В молодости не ку-

рил, но табак брал с собой, когда отправлялся на охоту, чтобы определить направление ветра».

Таким образом, почти вся сознательная жизнь нашего рента связана с пастушеством, с горами и охотой. Исключения составляют годы Великой Отечественной войны, когда он работал в основном в поле: выращивал всевозможные сельскохозяйственные культуры.

Чтобы он ни делал, Куат всю свою жизнь отличался спокойным нравом, хладнокровным отношением к делу. Ни в какие ссоры он, как правило, не вступал, — спокойно выслушивал собеседника, если даже тот был неправ.

Трудовой деятельностью, связанной как с молодостью, так и зрелостью его, Куат доволен. Доволен и жизнью.

Вот уже пять или шесть лет прошло, как Куат стал «домашним» человеком. Из приусадебного участка он выходит редко, а если все-таки выйдет, то это для того, чтобы выгнать скот в лес. Сидеть без дела не может. Хоть мало, но он должен обязательно поработать. Иногда поухаживает за виноградником, мандариновым садом и пр.

Куат каждый день встает очень рано. Разведение огня он считает своей священной обязанностью. По его мнению, огонь божественное создание, поэтому он должен гореть на очаге постоянно.

Пищу Куат принимает вместе со всеми своими домочадцами. Он очень не любит, когда в это время кто-то из членов семьи отсутствует. Из блюд всегда предпочитал и предпочитает молочные. Видимо, сказывается многолетняя привычка.

Как правило, днем не может спать. И здесь дает знать о себе привычная бдительность пастуха.

Куат не очень любит, когда за ним кто-то ухаживает, но ему уже приходится мириться с таким положением вещей. Невестки ухаживают за ним как за своим отцом. И этим он гордится.

В заключение я еще раз спрашиваю Куата о его возрасте. «В годы Махаджирства (1877—78) я был таким, как вот этот ребенок» — показывает он мне своего шестилетнего правнука. Значит, Куату сейчас 112—115. Ошибка может быть, но не больше, чем на два-три года в ту или иную сторону.

Недалеко от Куцни Куата, в селе Атара живет еще один долгожитель — Мамсыр-ипа Аюдзы Леуарсан (по-рус. Авидзба). Но, по сравнению с Куатом, он еще молодой — ему всего лишь 90 лет.

Свидетельством о рождении Леуарсана является Маршан Хаитбей, с которым, как он говорит, родился в один день. Хаитбей — сын князя — в свое время получил образование, ежегодно отмечает свои именины.

Отец Леуарсана, Мамсыр, как и многие другие абхазские махаджиры, долгое время жил в Турции. После смерти родителей он вернулся на родину, оставив могилы ближайших родственников на чужбине. Здесь женился на Джапоу-пха Адгенис, которая родила ему четверых детей. Леуарсан был третьим. Старшая сестра умерла недавно в возрасте 96 лет, средняя живет в с. Кутол. Младший брат умер в юности. В молодости умерла и мать. Отец женился второй раз. От этого, второго брака отца у Леуарсана еще две сестры.

Мамсыр — отец Леуарсана — прожил ровно сто лет.

О Леуарсане Атарцы отзываются как о хорошем крестья-

Рис. 11

нине, никогда не жаловавшемся на недостаток. Обычно о таких людях говорят: «по-мужски трудится — по-мужски ест».

Леуарсан — типичный земледелец, всю свою жизнь занимался и занимается до сих пор выращиванием кукурузы и виноделием. Но вместе с тем он разводил и разводит скот, особенно

мелкий. Кстати, в тот день, когда я был у него, мне пришлось прождать около двух часов. Он пас коз далеко в лесу.

В зрелости Леуарсан работал и в руководящих органах села. Несколько лет он являлся председателем сельсовета, затем — колхоза.

Женился Леуарсан где-то в тридцать пять лет, еще при жизни отца. Жене было 24—25 лет. Ее зовут Арыш-пха Уард. Как нередко это бывало у абхазов в прошлом, он женился тайно от ее родителей. Это произошло так: Уард приехала к родственникам в село Атара, где осталась на несколько дней. Увидев ее, Леуарсан сделал ей предложение через жену Кокоба Кьыскьиндж, дяди Уарда по матери. После упорных отказов, Уард согласилась выйти за Леуарсана. В то время Уард и ее младшая сестра воспитывались в семье родного брата отца, так как родители их умерли несколько раньше до этого. Итак, без ведома родственников девушки Леуарсан вместе со своими друзьями тайно увел ее из дома Кокоба. Только утром следующего дня родственникам Уард стало известно, что она вышла замуж. Больше года Аршбовцы не общались ни с Уард, ни с зятем, ни с Кокоба. На последних они обиделись за то, что не сберегли девушку. Но потом время сгладило все обиды, стороны помирились. Через три года после этого Уард родила первого ребенка, а еще через некоторое время появились и другие. От дочери и двух сыновей Леуарсан имеет сейчас десять внуков и три правнука.

Леуарсан живет со старшим сыном, имеющим двоих детей. Невестка очень услужливая женщина, и он уважает и любит ее, как свою дочь. Отзываясь о своей невестке так хорошо, Леуарсан убеждал меня, в том, что неудачный брак укорачивает жизнь человека и, что долголетие во многом определяется моральным климатом семьи. «Большую пользу приносит также, — говорит он, — равномерное чередование труда и отдыха. Я ходил в горы подряд восемь лет. И каждый раз после отдыха в горах я чувствовал себя великолепно. Недалеко от нас живет один старик, который всю свою сознательную жизнь провел в горах — пас скот. Ему больше ста — ста десяти лет. Вот тебе и горы.

— Как его зовут? — спросил я.

— Куцниа Куат. Когда я еле-еле мог держаться на коне, ему было 25—30 лет, может быть и 40. Он славился уже как хороший охотник.

По натуре Леуарсан спокойный, уравновешенный человек. Всегда знал чего хотел. А хотел он жить и трудиться спокойно, не мешая другому, но вместе с тем, не позволял никому вольности по отношению к себе. Такая жизненная установка развилась в нем еще в раннем возрасте. Леуарсан хочет, чтобы

этого принципа придерживались и его сыновья, внуки и правнуки.

Несмотря на спокойный нрав и малоразговорчивость, Леуарсан может быть хорошим информатором, способным ответить на многие вопросы, представляющие этнографический интерес. В частности, благодаря ему я уточнил отдельные детали брачно-семейных отношений абхазов в прошлом.

1. Из специальной литературы мы знаем, что в быту абхазов имел место обычай вступления в брак путем нарезания люльки, в которой укладывали девочку. Делалось это по обоюдному согласию родителей обоих детей — мальчика и девочки. Случалось, что и взрослый молодой человек тоже делал «нарезание» для самого себя⁸. Но нигде не говорится кем и как этот брак заключался. Леуарсан рассказывает: «Когда происходила церемония «нарезания», родители девочки устраивали угощение. В свою очередь и жених приносил маленькой девочке подарки. Он делал ценные подарки матери. С этого дня этот молодой человек становился зятем данной семьи. Следовательно, он не имел права жениться на другой. Не могла отказаться от него и она будучи уже взрослой. В противном случае отказавшемуся лицу строго запрещалось вступление в брак раньше другого. Во избежание всевозможных неприятностей, обычай этот никто почти не нарушал».

2. Бывали случаи, что мужчина дернул девушку за руку, которая отказала ему выйти за него замуж. Это считалось своего рода оскорблением и нередко приравнивалось к изнасилованию (лцва пичит). Поэтому, родители, братья и другие ближайшие родственники насильно выдавали ее за того, кто ее «опозорил», ибо после этого на ней никто не женился более. А если молодой человек уклонялся от требования родственников девушки, то последние наказывали его обычно нанесением ему какого-нибудь шрама.

3. Мужчина имел право наказать, как правило, побоями того, кто умышленно женился на той девушке, которая была помолвлена с ним. Оскорблению подлежала и она, но только словесно или, в крайнем случае, дерганием руки. Если вступлению в брак девушки содействовали ее родственники, то и они могли быть наказанными тем мужчиной.

4. В случае распада семьи по вине мужа, жена имела право требовать от него (так-как при разводе женщина возвращалась в родительский дом) компенсацию убытков. Но если в этом была виновата женщина, то муж мог выгнать ее из дома и жениться на другой. В первом случае делили и детей — дево-

⁸ См. Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1954 г.

ЖЕН
3033000000

чек отдавали отцу, мальчиков — матери, а во втором — жене и она лишала материнства.

5. Если разведенный мужчина женился на другой женщине и она родила ему детей, то те дети, которые жили с матерью, не пользовались правом на наследование имущества отца. Наследством пользовались лишь младшие. Но если от второй жены мужчина не имел детей, то наследство переходило к старшим сыновьям.

Правда, я несколько отошел от основной темы, но, на мой взгляд, эти сообщения интересны не только сами по себе, но и тем, что девяностолетний старец помнит их хорошо. Как известно, возраст и память находятся в сильной взаимосвязи и взаимообусловленности. Но Леуарсан — исключение⁹.

ДОЧИА ТЕМЫР И ГОРЗОЛИА САРДИОН

Часто бывает, что дети не похожи на своих родителей не только по внешности, но и по характеру, нравам, жизненной установкой...

Отец 98-летнего жителя села Тхина Дочиа Темыр, Шыгу, считался заядлым скотокрадом. Объектом его «деятельности» служили породистые лошади, за которыми он ездил далеко — в Карачаевск, Кабарду и другие районы Северного Кавказа. Менее престижную скотину доставал и здесь, в Абжуйской Абхазии. Говорят, что Шыгу, будучи прикованным к постели, позвал к себе своего сына, Темыра и говорит ему: «Угости меня куском ночной добычи». Темыр сделал вид, что пошел воровать, а на самом деле заколол козла из своего собственного стада. Когда он преподнес козлятину больному отцу, тот встал, сел за стол и съел весь свой кусок «добычи». И... скончался.

У Темыра были три брата и четыре сестры. Не говоря уж о сестрах, все они — и старший брат, Алыкьса, и младшие — Арушан и Рабстан, презирали воровство, считая его социальным злом. Сам Темыр всю свою жизнь занимался земледелием и виноделием. Как до колхоза, так и после его организации он работал всегда много. Он вместе с Бигуаа Уартаном — первым председателем колхоза данного села, Шамы Тарашом (Шамба) и другими активистами закладывал фундамент общественного производства. Вступая в колхоз, он подарил ему двух быков и двух буйволов. Позже колхоз продал их и купил себе автомашину. Впрочем, Темыр имел всегда собственную арбу, на которой он нередко возил в больницу больных. Поэтому тхинцы шутя называли эту арбу «скорой помощью».

⁹ Полевой материал автора 1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24.

В брак Темыр вступил, когда ему было около пятидесяти лет. Жена была моложе его, примерно, на двадцать пять лет. И она родила ему одиннадцать душ детей. Пятеро из них умер-

Рис. 12

ли в детстве, остальные живы и здоровы. Сейчас Темыр имеет двенадцать внуков и пять правнуков.

После женитьбы Темыра и других его братьев, он со своей семьей остался в отцовском доме. Но дом этот был уже стар. Поэтому он снес его, а на том месте построил большой дом на высоких железобетонных сваях, крытый черепицей. Помимо того, Темыр систематически оказывал материальную помощь всем четверым сестрам, мужа которых погибли на фронте. Сам он тоже принимал самое деятельное участие в уничтожении врагов на перевалах абхазских гор, за что награжден медалями: «За отвагу», «За доблестный труд во время Отечественной войны» и др.

Темыр, как и всякий другой абхазский земледелец, выполнял все без исключения работы, связанные с полем: весной производил чистку земельного участка, вспахивал его, сеял семена, и пахал вторично, боронил, летом мотыжил два раза, осенью собирал урожай. Во всех этих делах ему помогали жена и дети. В жаркие дни, когда кончались полевые работы, он вместе со старшим сыном перегонял домашний скот на горные пастбища,

где находился до наступления холодов. По его словам, за это время восстанавливались его силы.

По своей природе Темыр физически крепкий, и на вид он плотного телосложения, среднего роста. По характеру был спокойный, никогда ни с кем не ссорился. Как правило, разговаривал он очень мало, как говорится, даром слово не терял.

Поскольку Темыр отличался исключительным трудолюбием, детей своих он рано приобщил к физической работе. Причем всего этого Темыр добивался методом убеждения и своим личным примером. «Отец нас никогда не бил, даже не ругал, можно сказать, но почему-то мы, дети всегда его боялись. В его присутствии никто из нас не осмеливался не только пошалить, но и разговаривать громко. Бывало, что его в доме нет, дети шумят, на замечания матери не реагируют, но стоило только сказать: «отец идет» как наступала гробовая тишина», — рассказывает его дочь, Заира — педагог по профессии. Зато дети были всегда в достатке. И дом Темыра считался гостеприимным, богатым добротой и улыбкой его хозяина.

Несмотря на пережитое им горе, связанное со смертью детей и гибелью зятьев, Темыр не сломался, был бодр и работал как в личном, так и общественном хозяйстве до глубокой старости. Лет шестнадцать назад умер его старший брат Алыкьса, которого он боготворил. Недавно умерла жена Алыкьса. И когда соседи рыли ей могилу, кто-то из них нечаянно лопатой задел стенку могилы Алыкьсы и пробил насквозь. В этот момент Темыр увидел тело своего брата. Оно было в целой сохранности. «После этого случая наш отец сильно изменился, стал часто болеть и горевать» — говорит Заира.

Сейчас Темыру 98 лет.

Заметим еще, что отец Темыра, Шыгу прожил до ста лет, а мать его, Митуар (Качыл) по фамилии Гогуа из Ачампазра — 112 лет.

Другого тхинского долгожителя зовут Хабаджа-ипа Горзолиа Сардион. Ему, как он предполагает, девяносто с чем-то лет. «В год Большого снега я уже брился, но к самостоятельным решениям серьезных хозяйственных вопросов меня не допускали, так как старшие знали, что суровость природных условий требовала особую осторожность. К тому же для серьезных работ были более серьезные и сильные рабочие руки — руки отца, дяди и старших братьев. Я занимался главным образом уходом за буйволами: в кормушку им клал сено, гнал их на водопой по снежной тропе и т. д. В доме же поддерживал огонь в очаге, помогал женщинам приносить воду. Я вовсе не стеснялся помогать женской половине дома, так как все остальные мужчины были старше меня.

Сардион родился в трехпоколенной большой семье состоятельного крестьянина Горзолиа Быда, схематическая структура которой выглядела так:

Эта семья, состояла из 16 человек, жила в одном большом доме, имела собственные амхары — плетеные из рододендрона круглые сооружения с остроконечной крышей, крытой из соломы, специально строящиеся для новобрачных. Дедушка и бабушка жили в амацурте. С ними жили также некоторые внуки и внучки. Рядом с амацуртой стояла гостиная — акуаскья.

Большая семья, в которой родился и вырос Сардион, располагала и большим хозяйственным потенциалом: двадцатью десятнами земельных угодий, двадцатью-тридцатью головами крупного рогатого скота. В нем имелось также до двухсот ульев. Из зерновых она выращивала кукурузу, немного пшеницы, пшено двух разновидностей — ашырдз и ахурдз, бобы. Женщины возделывали помимо огородных, бахчевых и прочих, лен, коноплю и хлопок — технические культуры, необходимые для производства тканей. Важное значение в быту семьи имело виноделие, ибо она, как и весь род Горзолиа, славилась своим гостеприимством.

Отец Сардиона, Хабаджа, отделился от отцовского дома через четыре года после смерти дедушки, хотя по обычаю это должен был сделать старший брат. Мотивом такого решения служил авторитет старшего брата, Джгъау, которого называли «аизараую», так как он был большим общественником; на сходах, собраниях, судебных процессах присутствие Джгъау считалось обязательным. Поэтому Хабаджа говорит своему старшему брату: «В нашем отцовском доме должен жить ты, как наиболее способный продолжить славу нашего отца, а я, кроме пастушеского дела, ничего не знаю». Хозяйство было разделено поровну: и земля, и скот, и виноградник, и пасека. В первых порах Хабаджа со своей семьей жил в амхаре, построенной еще перед женитьбой, а попозже он построил амацурту и акуаскья

в двухстах метрах от отцовского дома. «Когда молочный брат моего отца и дядьки, князь Дзапш-ипа Чычын, услышал от том, что наша семья разделилась, — рассказывает Сардион, — примчался к нам и обиженно спросил: «Почему вы не сообщили мне об этом?». «Между нами не было никаких разногласий, потому и решили не беспокоить тебя Чычын ухацкы¹⁰», — ответил мой дядя.

Это было еще до Большого снега и Сардион считался подростком.

Живя отдельно, отец Сардиона развел до 300 коз и овец, и тем самым он стал одним из крупных скотохозяев в данном селении. Скот пасли в основном старшие братья Сардиона, а сам он больше занимался земледельческими работами. Но когда ему было, приблизительно, 15—16 лет, он переселился на три года в дом его дяди по матери в качестве ачныр (наемного пастуха), так как те имели очень много скота и сами не справлялись. Через три года Сардион вернулся обратно в отцовский дом с десятками голов мелкого рогатого скота.

Таким образом, с раннего возраста Сардион начал приобщаться к физическому труду, занимаясь то пастушеством, то земледелием. Где-то в двадцатых годах умер его отец. Вскоре семейные братья стали отделяться и жить отдельно. Сардион один вместе с незамужними сестрами остался в отцовском доме. На его плечи легло все хозяйство. В начале колхозного строительства он становится одним из первых его членов. Некоторое время в колхозе Сардион выращивал табак и кукурузу, затем, с закладкой чайных плантаций, — чай.

В конце тридцатых годов он женился в возрасте сорока пяти лет или чуть больше. Жена была моложе его в два раза. В 1942 году Сардион пошел на фронт. Вместе с ним, в один день призвали еще одиннадцать человек из Тхина, а вернулись только трое. После первого ранения он лежал в госпитале, в Баку, второй раз он получил тяжелое ранение, это было в Новороссийске. После этого, он был зачислен в рабочий батальон, но раны стали беспокоить часто, и в 1944 году демобилизовался. С тех пор работал в колхозе — строил общественные здания.

Трудно было Сардиону особенно в период восстановления народного хозяйства. Дети еще не выросли, жена, как многодетная мать, не могла работать в полную силу. Ему одному приходилось вести хозяйство и общественное, и личное. Доходы от колхоза были незначительны, едва покрывали налоги.

С взрослением детей, Сардион постепенно начал освобождаться от тяжелых работ. Всего у него детей семь — четыре

¹⁰ Ухацкы — форма уважительного обращения.

сына и три дочери. Сейчас он радуется внукам и правнукам. Однако, он не может не сожалеть о том, что жена его не успела насладиться всей этой радостью, — она умерла лет двадцать назад от инфаркта, не дожив и полных сорока лет.

В настоящее время Сардион живет вместе с семейным сыном — трактористом колхоза. Невесткой он очень доволен, просто счастлив, что сын женился так удачно: рождает здоровых детей, чистоплотная, хлебосольная, на редкость услужливая и вежливая. Естественно поэтому и сам он относится к ней как к своей дочери, по возможности помогает ей по домашнему хозяйству, при необходимости и за детьми присматривает. В хорошую погоду Сардион оказывает посильную помощь и сыну, заменяя его во многих домашних делах: поддерживает в доме огонь, потихонечку сходит за дровами, поухаживает за скотом и т. д. Словом, судя по тому, как он сейчас выглядит, Сардион должен прожить до ста лет. Он никогда не болел, если бы не ноги, беспокоящие его часто ранения от осколков, то мог бы работать физически еще более интенсивно — здоровье позволяет. К тому же, если верить теории наследственности, то заметим, что почти все ближайшие родственники Сардиона по прямой и боковой линии были долгожителями. Так, например, дедушка и отец умерли в 90 лет, дядя, Джгбау — в 100, столько же прожил и сын последнего, Баджы. До глубокой старости жили также сестры, Чыку и Чына, и братья, Тарас и Нес-тор.

На вопрос, пьет ли Сардион сейчас вино, он ответил: Да, конечно пью, но немного и то с теми, кто умеет пить и знает цену крестьянского труда¹¹.

КУАРЧИА МАХЪАЛ

Петра-ипа Куарчия Махъал, о котором пойдет этот рассказ, родился и вырос в селе. Ткуарчал, расположенном близ одноименного города абхазских горняков. На вид он довольно худощав, среднего роста, с типичным для абхазов орлиным носом и седыми усами, спокойными и умными глазами.

Отец Махъала, Куарчия Петра, был известен в общине как высоконравственный, умудренный опытом человек: без него не решали ни один общественный вопрос. Мать была также женщиной редкого ума, умело управляла домашними делами. Большим авторитетом в семье пользовалась бабушка Махъала, которая знала и охотно рассказывала ему много забавных сказок.

Махъал был первым ребенком в семье (позже появились

¹¹ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та. А. 23.

два брата и сестра), поэтому его рано приобщили к физическому труду. С 7—8 лет он помогал отцу в полевых работах: во время пахоты поил и кормил волов, при плетении забора

3032000000

Рис. 13

подавал отцу хворост, заливал воду в дыры, куда забивались колья.

В детстве он перенес тиф. После этого он два-три года ничего не делал по хозяйству. Только когда полностью выздоровел и окреп, опять начал трудиться. «В 12—14 лет, — говорит он, — я один справлялся с сохой, ходил на прополку кукурузы, заготавливал и привозил на арбе дрова». Однако отец, привлекая его к участию в трудовой деятельности семьи, категорически запрещал ему выполнять тяжелые, непосильные для него работы. Махьал рассказывал: «Мой отец был одновременно строг и добр. Если при посторонних он не допускал нас, детей, к себе и делал вид, что вовсе не замечает, то когда у очага собирались только члены семьи, он сажал кого-нибудь из нас на колени и ласково разговаривал». Здесь вспомнишь слова Н. М. Альбова,

который писал: «Относясь к детям с любовью и заботой, абхазы стараются по мере возможности на загружать их... Телесных наказаний — не только розг, но и более невинных, вроде шелчков, дранья за волосы и т. п., при воспитании совершенно не практикуют»¹².

Трудовая деятельность Махыла в основном была связана с земледелием; на альпийские пастбища, где обычно проводило каждое лето большинство современных долгожителей этой страны, он поднимался лишь от случая к случаю.

В год Большого снега, по которому ориентируются неграмотные старики, когда выясняют свой возраст, Махьяку было 25 лет.

В юности Махыал отличался крепким телосложением и ловкостью. Любил возиться со скакунами: укрощал необъезженных коней, участвовал в состязаниях, которые проводились в селе раз в году, а также на свадьбах и поминках. Тот же Н. А. Альбов отмечал, что «выработка хорошо править лошадей входит существенным элементом в программу абхазского воспитания»¹³.

Советскую власть Махыал встретил с радостью. «Впервые я почувствовал Новый закон (так называют старики Советскую власть — В. Б.) тогда, когда перестали делать подношения по праздникам нашему князю Шьмаф Ачба», — сказал он.

В середине 20-х годов, когда Махьялу было 39—40 лет, он женился на молодой девушке из соседнего селения Арасадзых по фамилии Хаджимба (ей было лет 18—19). «Будь мой отец менее авторитетным, хаджимбы не выдали бы ее за меня», — сказал Махыал, сообщая о достоинстве и красоте своей жены, извинившись заранее за столь «нескромное» высказывание. У них родились пять девочек.

В конце 30-х годов дом Махыала посетило горе. Старшая дочь, когда ей исполнилось 15 лет, сорвалась с висячего моста и попала под проходящую машину. За этим последовали другие несчастья: умерла мать, вскоре после этого и отец.

Когда Махыала стал главой семьи, ему приходилось много работать. Он обычно поздно ложился и очень рано вставал. во время Великой Отечественной войны, когда в армию ушли все молодые мужчины, он занимал то должность бригадира, то — звеньевого. «Как бы мне трудно ни было, — говорит он, — я всегда чувствовал локоть моей жены, заменившей мне всех, кого не хватало».

Так в трудностях и заботах провел Махыал и последую-

¹² Н. М. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, вып. 3, СПб, 1893, с. 317—318.

¹³ Н. М. Альбов. Там же, с. 311.

щие годы. Однако его семья никогда не знала материальной нужды. В доме всегда хватало еды. Пищу принимали обычно три раза в день и, как правило, каждый раз горячую. На зиму резали быка, козленка, домашних птиц; ели копченое мясо, ачаюр (комбинированная смесь молочных продуктов, напоминающая сметану), сыр и пр. Летом употребляли вареное мясо, но не чаще одного-двух раз в 15 дней. Основу питания составляли растительные и молочные продукты. Овощей и фруктов употребляли столько, сколько хотели. Часто жена готовила аиладж — разновидность крутой каши из кукурузной муки, приготовляемой со свежим сыром и медом, — являвшийся любимым блюдом семьи.

Даже после 80 лет Махьал не чувствовал старости и был бодрым. Но после смерти жены и двух дочерей душевные и физические силы Махьала стали сдавать.

В настоящее время Махьал живет в доме один. Физически еще крепок, справляется с основной работой по дому. Дочери, проживающие в г. Ткварчели, а также и другие родственники оказывают ему при необходимости помощь в ведении хозяйства. Недавно младшая дочь предложила старику переселиться в ее дом. Но он категорически отказался. «Пока на ногах стою, я не дам гаснуть отцовскому очагу и не покину еще не успевшую остыть могилу твоей матери», — сказал он ей в ответ. Он не из тех, кто опускает руки в горе. Его всегда отличали спокойный нрав и общительность. Благодаря своим личным качествам Махьал пользовался большим авторитетом среди односельчан. На свадьбах его часто выбирали тамадой или руководителем в ашапе (навес, где проходит свадебный пир). На похоронах он также был руководителем траурной церемонии, в которой принимало участие несколько сот человек. Сейчас он уже не может выполнять эти обязанности, но за торжественным столом ему предоставляют первое слово и право избрать тамаду, как это принято во всей Абхазии. Среди однофамильцев он пользуется непререкаемым авторитетом; для каждого из них является «ахыбаю». В свою очередь и Махьал сознает свою полезность и полноценность в обществе¹⁴.

КАРХАЛАА-ПХА ГУАПХАНАШЬ

Несколько по-иному сложилась судьба 92-летней Кархалаа-пха Гуапханашь — одной из тех абхазок, которые чувствуют в

¹⁴ Полевой материал автора, собранного в 1980 г. В. Л. Бигвача. Из биографии двух абхазских долгожителей. — Феномен долгожительства...

себе силы прожить «мафусаилов век»¹⁵. Родилась она в поселке Аражвпара Гупской общины, в неразделенной семье, состоявшей из отца, матери, сестры, дедушки, бабушки, трех дядей и двух теток по агнатной линии. Основой экономической жизни семьи служило животноводческое хозяйство, в котором главную роль играл мелкий рогатый скот.

Дедушка из-за своего старческого возраста был уже лишь почетным главой семьи. Фактически ею руководил отец Гуапханаш, Гага, который, в отличие от своих младших братьев, занимавшихся скотоводством, постоянно находился дома и занимался земледелием. Плодородной земли было мало, и урожая кукурузы едва хватало семье. Поэтому семья выменивала у жителей равнин на скот, мед и воск, зерно и солому. Когда Гуапханаш была подростком, умерли дедушка и бабушка в возрасте 110—120 лет. Затем отец отделился от своих братьев. Однако его уход от них носил лишь юридический характер: жил он со своей семьей в той же амхаре — плетеном из рододендрона жилище, построенном им специально перед женитьбой в качестве брачного помещения, — его доля скота находилась в общем стаде. Даже после удачного возвращения с охоты, на которую он регулярно ходил, добрую половину оставлял своим братьям.

В 1911 году отец, не имевший сына, взял на воспитание мальчика. Но ему не суждено было вырастить ребенка, он умер от воспаления легких, не дожив и до 65 лет. Гуапханаш и ее старшей сестре приходилось помогать своей овдовевшей матери не только в таких «женских делах», как обработка шерсти, хлопка, льна, шелка и т. п., но и в поле, выполняя буквально все работы, связанные с возделыванием зерновых, бобовых и других необходимых культур. Дома они занимались выделкой ковров, простыней, полотенцев и др. бытовых предметов, из которых должно было состоять их приданое.

Через некоторое время старшая сестра вышла замуж и переселилась в соседнее село Акуаскья. На Гуапханаш фактически легли все работы по хозяйству. Сама она могла выйти замуж лишь тогда, когда приемному брату исполнится 16 лет, когда ему будет разрешено самостоятельно пахать и засеивать поле.

Когда это время пришло, Гуапханаш вышла замуж. Ее мужем стал немолодой пастух Куаста — один из семи сыновей крупнейшего скотохозяина в селе Отап Куталиа Сет. Попав в Большую семью, насчитывавшую более 20 человек, Гуапханаш занималась стиркой, уборкой, приготовлением пищи, ухаживала за стариками и старшими братьями мужа, по отношению к ко-

¹⁵ По ее словам, в год Большого снега Гуапханаш было 22—23 года. Информация записана автором в 1980 г.

торым соблюдала обычай избегания¹⁶. Почитания старших родственников супруга является до сих пор одной из обязательных норм поведения абхазской невестки. В свою очередь и первые относятся к невестке с почитательностью, в обращении с ней придерживаются максимальной корректности. Случаи грубых отношений между ними строго порицаются общественным мнением. Напротив, свекор и свекровь, а также и более дальние представители старейшин рода являются опорой и поддержкой невестки при возникновении каких-то ссор с мужем.

Стремясь сделать все дела по хозяйству, Гуапханашь ела в последнюю очередь и ложилась позже всех. Как младшая невестка, Гуапханашь, брала на себя все обязанности по приему гостей: готовила им пищу, накрывала на стол и т. д.

Спустя 5—6 лет после замужества Гуапханашь родила дочь, затем — еще двух.

После организации колхоза муж Гуапханашь отделился от большой семьи и построил себе дом недалеко от отцовского дома. Гуапханашь выращивала на колхозных полях табак — весьма трудоемкую культуру.

Когда Гуапханашь и Куаста поняли, что у них уже не будет своих детей, они взяли на воспитание мальчика. Через 15 лет после этого умер Куаста. С тех пор прошло около 30 лет. Дочери вышли замуж, женился и приемный сын. Гуапханашь довольна невесткой: она трудолюбива, послушна, никогда не пререкается со старшими. Лет восемь назад, семья, руководимая теперь сыном, переселилась в село Моква, где проживает в собственном двухэтажном доме. Сын и невестка — рабочие эфиромасличного совхоза, а Гуапханашь нянчит детей. Всего у Гуапханашь 22 внука. В свое время она продолжала горевать из-за того, что четыре года назад в возрасте 100 лет скончалась ее сестра, однако в целом она считает себя счастливой, и как сама поведала, готова прожить еще пару десятков лет¹⁷.

ХАРАЗИА КУТИА И БЕБИА МАХТЫ

Мы сидим под тутовым деревом, стоящим по середине просторного травянистого двора. Не упуская нити разговора с хозяином, я зачастую смотрю на юг. Отсюда, со двора дома старейшего жителя села Хуап Муса-ипа Харазиа Кутиа, как на ладони открывается зеленная панорама приморской полосы, напоминающей огромный сказочный ковер. За ней простирается

¹⁶ Свекор умер в 100—105 лет, не услышав от нее ни одного слова.

¹⁷ Полевой материал автора, собранного в 1980 г. В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей — Феномен долгожительства...

безграничная водная гладь, откуда дует ласковый морской ветерок.

«Не знаю, сколько мне лет, — говорит Кутна, но думаю, что не меньше ста десяти. В год Большого снега я перешагивал брачный возраст. В те времена мужчина вступал в брак не раньше чем тридцать-тридцать пять лет. Помню, выпал снег. Очень большой снег. Продвигаться без снегоступов невозможно было. Замерзшие собаки взбирались на соломенные крыши домов, под которыми непрерывно горел огонь. Рано утром к нам явился наш сосед по имени Хашиг Куата и попросил меня

Рис. 14

отправиться вместе с ним в апста — горное ущелье, где застрял его старший брат со скотом. Видимо, узнав о случившемся, в пути нас догнало еще несколько молодых односельчан. Шли мы медленно, шаг за шагом преодолевая трудности. Дороги-то не видно было, ориентировались по холмам и деревьям. С приближением к стоянке, мы дали несколько выстрелов в воздух. Услышав нас, пастух и сам выстрелил из ружья. Его радость не имела предела. На следующий день мы с ним двинулись обратно, домой. Впереди шел сам пастух, которого покорно слушался скот, за ним пустили больших козлов, способных пробивать дорогу стаду коз и овец, количество которых превышало пятисот голов. Так мы выбрались из апста целыми и невредимыми. В доме Хашиг было устроено затем торжественное угощение».

Относительно своего возраста Кутиа сообщает еще, что он родился после Махаджирства. Значит, ему меньше, чем он предполагает. Но насколько? В похозяйственной книге рождения нашего геронта значится 1887 г. Однако, в сельсовете исходили из церковного материала, свидетельствующего о дате его крещения. Сам же Кутиа помнит, что его крестили, он был, примерно, четырехлетним мальчиком. Следовательно, сейчас ему 100—101.

Родился и вырос Кутиа в неразделенной большой семье, состоявшей из родителей, трех детей, дедушки и бабушки, женатого дяди с детьми и двух незамужних тетушек по отцовской линии. Во главе семьи стоял дед, Джаджа. После смерти дедушки некоторое время ею руководил старший брат отца Тедж, но через два-три года он отделился. При разделе же хозяйства, к отцу, Мусе, перешло около двух с половиной десятин земли, триста голов мелкого рогатого скота, четыре дойных коровы, два буйвола, лошадь и более ста ульев. В общем пользовании оставалась мельница.

С раннего возраста Кутиа был связан с животноводческим хозяйством. Летом, как правило, скот он пас в горах, весной и осенью — в ущельях рек, а зимой выгонял в окрестности своего села. Старший брат больше работал по дому: выращивал зерно, бобовые культуры, ухаживал за виноградником, пасекой и крупным рогатым скотом. О нем говорили «аюны агуы змоу», что переводится как «тот, кто всем сердцем с домом». Напротив, Кутиа называли человеком вне дома, жителем гор — «абна илоу», «ашьхауаю». И на самом деле, он даже в свободное от пастушества время отдавал себя охотничьему делу, неоднократно бывал в таких труднодоступных горах, как Дзышра, Куанш, Хагишьха, Чхы, Макадыркра, Амаржар-ашта и др.

Кутиа женился поздно после сорока лет. Жена моложе его на двадцать лет, но сейчас выглядит она намного старше своих лет. У них было пятеро детей, но последний ребенок умер еще в детском возрасте. Сейчас старики живут со старшим сыном, которому уже шестьдесят лет. От своих детей они имеют девять внуков и два правнука.

После организации колхоза, Кутиа пошел на ферму, в которую сам отдал пятьдесят голов коз и овец и пару тягловых быков.

«Для чего держать скот в личном хозяйстве. Весь скот нужно отдать колхозу. Всех будет кормить, поить и одевать колхоз!» — твердили руководители нашего села. У тех, кто добровольно не давал, насильно отбирали. Такими поступками они противопоставляли крестьян колхозу. Сколько нервов стоило все это! — с негодованием вспоминает старик перегибы, имевшие место в деятельности тогдашней местной власти. — В нас-

тоящее время молодежь немного зазналась. После окончания школы молодые люди уезжают в города — кто в Гудаута, кто в Сухуми. Чего им не хватает? В дворцах живут. Подобных жилищ мы в глаза не видали. К каждому дому поступает вода, газ регулярно привозят. Радио и телевизор у всех. Между нашим селом и городом курсируют пассажирские автобусы. Всего двенадцать километров. Чай, табак — работай и получай деньги. Ведь это счастье!»

Жена Кутиа занималась табаководством, являвшимся в селе Хуап ведущей отраслью общественного производства в прошлом. А сам Кутиа к земледельческим работам начал приобщаться в основном после того, как старший брат построил себе дом и стал жить со своей семьей отдельно. С течением времени подросли и дети, которые по мере возможности все больше и больше освобождали его от полевых работ. Так он проработал пастухом 65 лет, проводя больше половины всей своей пастушеской жизни в горах. И до настоящего времени Кутиа чувствует себя неплохо: утром встает вместе с восходом солнца, разводит огонь и ухаживает за скотом, — иначе он не может.

Когда наша беседа с Харазиа Кутиа подходила к концу, я задал ему последний и традиционный вопрос: «Как Вы думаете, что способствовало Вашему долголетию?»

— Большое терпение, плюс жизнь в горах, — ответил он уверенно.

Умение чувствовать пульс своего народа природный дар отдельных его представителей. Причем, для этого необязательно быть высокообразованным. 93-летний житель того же села Хуап Хуамахья-ипа Бебиа Махты совершенно неграмотный. Но его волнует все, что волнует лучшие умы в Абхазии.

«Процесс сокращения детности нужно приостановить, иначе он приведет наш и без того малочисленный народ к нежелательным последствиям. Ведь это и государственный вопрос. И еще: как можно читать книги того писателя или ученого, дети которого не владеют тем языком, на котором он пишет? Почему же нельзя сделать так, чтобы дети наши учились на родном языке не только до четвертого, но и до десятого класса? Разве у нас нет для этого необходимых условий? Думаю, что есть. Учиться на своем, наиболее близком и понятном языке — значит получить больше знаний и идти дальше».

Вот с чего начал разговор Махты, когда я сообщил ему, что работаю в Абхазском научно-исследовательском институте и что изучаю этнографию абхазов. После долгой «обороны» от многочисленных и далеко не легких для меня вопросов хозяина, я понял, что Махты имеет полное право говорить на важную социальную тему: сам он — отец двенадцати детей и дедушка пятнадцати внуков!

Махты воспитал столько детей не потому, что жил в полном материальном достатке и душевном спокойствии. Еще в самом раннем возрасте он потерял отца. Мать его, оставшись вдовой, без существенной помощи извне, вырастила троих детей,

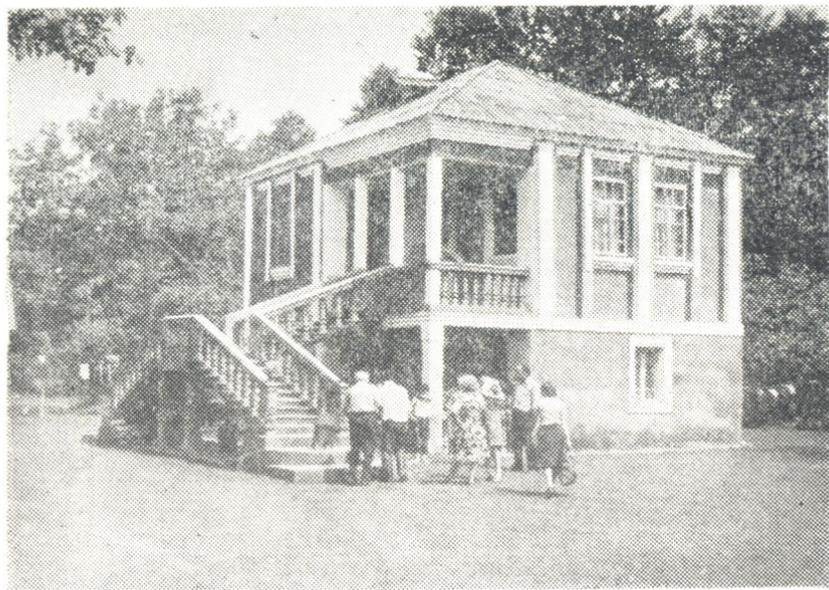

Рис. 15

но вскоре в дом Бебиа поселилось горе: в один год от малярии умерли обе старшие сестры Махты, у матери остался один он. В то время они жили в соседнем селе Джирхуа, расположенном ниже Хуап. А когда Махты вырос и стал самостоятельно управлять хозяйством, он вместе с матерью переселился в Хуап, где проживает и по сей день. Собственноручно он построил амацурта и аганюны — плетеные жилища из орешника с земляным полом и четырехскатной крышей из соломы¹⁸. Вначале приусадебный участок не давал ничего, кроме кукурузы, фасоли и овощей, так как он был еще необжит. Только спустя ряд лет Махты развел несколько коров и более ста голов коз и овец.

Примерно в 22—23 года Махты женился, но от вторых родов жена умерла, оставив ему сына и дочь. Второй раз женился

¹⁸ Плетенные жилища строились у абхазов обычно, из рододендрона, но в с. Хуап его нет.

на женщине, которая была моложе его на 31 год, т. е. довольно поздно. Она родила ему десять детей. Сын от первой жены погиб на фронте, дочь замужем, живет в с. Ачандара. Несколько лет тому назад два его сына попали в аварию и погибли. Все остальные живы, здоровы, имеют семьи.

Как правило, каждый год, в начале лета, после окончания основных работ по дому, Махты перегонял скот в альпийские пастбища, пас его до наступления осенних холодов. В период прополки кукурузы, оставив скот под присмотр других пастухов, вместе с которыми он входил в агуп (объединение)¹⁹, спускался в село и завершал работу. В зимние месяцы скот держал на подножном корму в окрестностях своего села, как это делали и другие владельцы скота.

После коллективизации Махты стал колхозным пастухом и проработал им в общей сложности более двадцати лет. Затем перешел на полевые работы. Где бы ни был — в животноводстве или в полеводстве, он распределял свое рабочее время так, что успевал делать все дела, связанные как с общественным, так и личным подсобным хозяйством. Вместе с тем, Махты умел организовывать и здоровый отдых. В молодости, в свободное время он вместе со своими сверстниками устраивал различного рода спортивные состязания — анмцакча, аркбыл-асра и национальные игры²⁰. Любимейшим занятием Махты была также охота. На его счету несколько десятков медведей, диких кабанов, шакалов и других зверей, зачастую наносивших ущерб крестьянскому хозяйству. В зрелые годы Махты стал одним из наиболее уважаемых людей в данном селе, на которых возлагалось руководство свадебными и погребальными обрядами. При этом он отличался красноречием и большим знанием обычаев предков. Махты умел также пить, не пьянея, и достойно проводить любой торжественный стол.

Энергичным и крепким человеком был Махты. Об этом можно судить и по тому, как он сейчас выглядит: густо покрытой сединой, широкоплечий старец среднего роста со слабо сгорбленным носом и живыми сероголубыми глазами, под которыми виднеются глубоко прорезанные морщинами темные, как бы обгорелые щеки. Ходит он медленным шагом, но уверенно, как бы давая знать земле, что идет ее хозяин. Каждый его выход из дома диктуется определенной хозяйственно-бытовой необходимостью. Если Махты в повседневной одежде и в руке держит цалду, то это значит, что он собрался в лес за дровами

¹⁹ См. Ц. Н. Бжаниа. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965.

²⁰ См. О. В. Ваханиа. Абхазские народные игры. Сухуми, 1959; его же. — Игры народов СССР. М., Физкультура и спорт, 1985.

или на пастбище за скотом, а если одет в черкеску, опоясанную серебряным кинжалом, на голове башлык, на ногах кавказские сапоги — отправляется далеко, на свадьбу или на похороны. Во всех, без исключения, предприятиях семейной и общественной жизни Махты принимает до сих пор самое деятельное участие: как старейший и умудренный жизненным опытом член своего рода, он является советчиком в наиболее важных делах. Под его началом проводятся фамильные сходы и моления, естественно поэтому он носит священное имя «хпашьху зку» — «обладатель нашей родовой свечи».

В конце беседы с Махты я спросил его о секретах долголетия.

«В благоприятных условиях человек должен прожить до ста лет. За всю свою жизнь он преодолет четыре возрастные ступени: детство, юность, зрелость и старость. В детстве чело-

Рис. 16

веку присуще стремление к юношеству, в юности — к зрелости. Старости-то никто не любит, но и она по своему красива. Стремление к знанию, стремление к прекрасному, что украшает жизнь,

двигает человека, делает его более выносливым и сильным как физически, так и душой. Вот в движении основной секрет долголетия...»²¹

НИКО МАРГИАНИ, ГЕОРГИИ ЦЕРЕДИАНИ И АЛИХАН АПРАСИДЗЕ

Сел. Арцхел (Мулахский сельсовет) занимает небольшое плато, что на правом склоне бурной реки Ингури — недалеко от того места, где берет она свое начало. За ним уже начинается зона альпийских лугов, а еще выше — вечных снегов и ледников. Внизу простирается то зеленое и шумное ущелье, откуда поднимается извилистая дорожка, соединяющая селение с Местией. По своей природе люди здесь сильные и выносливые, ибо естественно-климатические условия сами учат их с самого раннего детства трудолюбию.

Нико Маргиани, с которого начинается этот рассказ о трех сванских долгожителях, ходит по этой древней земле ровно

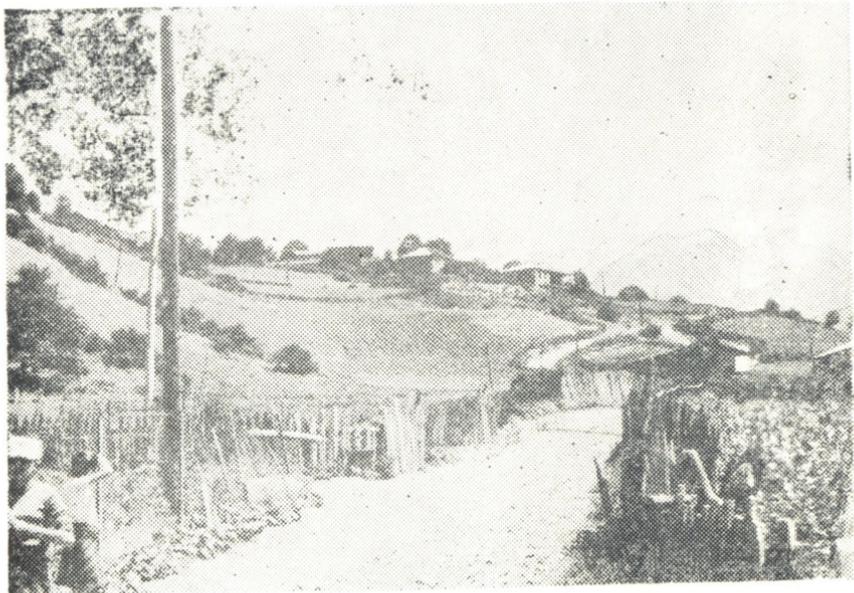

Рис. 17

100 лет. Из них более, чем девяносто он отдал крестьянскому труду.

²¹ Полевой материал автора 1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24.

3.02.00101033

Родился Нико в малой трехпоколенной семье, состоявшей из дедушки и бабушки, отца и матери. Он был первым ребенком в семье. За ним следовали брат и пять сестер. Естественно, поэтому Нико стал помогать отцу, порою и дедушке, очень рано, буквально во всех хозяйственных делах. Семья располагала большой землей как пахотной, так и сенокосной. «Сенокосной земли было столько, — рассказывает он, — сколько отец и дедушка могли косить в течение пятнадцати дней. И все-таки сена не хватало. Его привозили еще с гор, так как скота было также много: четыре-пять дойных коров, три пары быков, более десяти овец».

Из злачных культур семья Маргиани выращивала ячмень, кукурузу, выращивала также горох, фасоль и пр. бобы.

Главное занятие Нико в детстве составляло овцеводство. Он пас овец в окрестностях селения. Уже 14 лет принимал участие и в перегоне их на альпийские пастбища, самостоятельно косил сено на склонах гор, заготавливал дрова в ущелье.

«В детстве, как и всякий ребенок, — говорит Нико, — работать не очень любил, но и отказываться от нее нельзя было. Старшим подчиняться нужно. Но уже в юности труд стал для меня потребностью жизни. Как правило, работа была всегда тяжелая и работать приходилось много. Но поскольку она стала уже привычкой, большой усталости не чувствовал. Более того, труд никогда не вызывал отрицательных эмоций, потому что я хорошо понимал хозяйственные потребности моей семьи. Для того, чтобы нам всем жилось хорошо, надо было работать хорошо».

Обычно с большей энергией Нико работал до обеда, а работать приходилось больше и дольше весной и летом. Когда работы было много вставал очень рано, а ложился поздно. В зрелые годы привык ложиться и днем на часок. «Дневной сон помогает человеку быть здоровым», — говорит он.

Раньше, когда освобождался от собственных работ, через перевал ходил в Кабарду и Болкарню, косил сено. Много раз бывал в Абхазии, в частности в Члоу, Тхина, Адзюбжа, Ачгуара и др. селах, занимался прополкой кукурузы. Одним словом, был в какой-то мере отходником.

В настоящее время Нико чувствует некоторую слабость, физической работой не занимается. К тому же есть кому заниматься ею. По утрам встает после восхода солнца, ложится рано вечером, но спит неважно. Пищу он принимает, как правило, три раза в день, но ест мало. «Аппетит появляется после работы, а я не работаю, потому и есть особенно не хочется», — жалуется Нико. Единственное, чем он может заниматься, это ходить к соседям, поговорить со стариками.

Алкогольными напитками Нико не увлекался. Пил от случая к случаю. Но мог пить много, потому, зная его возможность, соседи часто выбирали тамадой на различных торжествах.

Рис. 18

Нико верующий. Часто ходит в церковь.

Пройденной жизнью Нико доволен. Доволен и своей семьей. Здесь, в Арцхел, с ним живут его младший сын Нодари, женатый и имеющий детей, и дочь, Натела. Старший сын, Гриша Маргиани — доктор исторических наук, известный советский ученый — заведует отделом Института истории, археологии и этнографии им. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР и живет в Тбилиси. Вообще у Нико два сына и четыре дочери, от которых он имеет 13 внуков.

Георгию Цередиани, о котором речь пойдет дальше, 105 лет. Живет он в с. Латали, расположенном несколько ниже Местии. Георгий, как и Нико Маргиани, доволен своей жизнью, хотя она у него была далеко несладкой. «Я доволен жизнью своей, потому что потомство мое растет здоровым», — говорит он. Забегая несколько вперед отмечу, что Георгий живет вместе с семейным сыном, имеющим семь душ детей. Всего у Георгия были пять сыновей и одна дочь, но трое из них умерли. Он

радуется своими внуками и правнуками, число которых приближается к тридцати.

Лет восемь назад умерла его жена. За ним, как за родным отцом, ухаживает невестка, Федора Парджиани. И он любит ее, как свою единственную дочь.

Теперь о жизненном пути нашего информатора.

Рис. 19

Георгий Цередиани родился в малой нуклеарной семье. В детстве лишился родителей. У него были еще брат и две сестры. После смерти родителей, дядя Георгия по отцу отделился от своей семьи и вместе с женой и детьми переселился в дом умершего брата, Гагуса — отца Георгия. Он и воспитал, и вырастил Георгия вместе с братом и сестрами в своем доме.

В свою очередь и отец Георгия оставил детям большое хозяйство: 20 наджем пахатной и 19 наджем сенокосной земли, 15 голов крупного рогатого скота, пару волов, более двадцати овец, до ста коз, лошадь. Когда Георгий вырос, дядя построил себе отдельный дом и отделился. Георгий стал главой семьи

и ее главным кормильцем. Он говорит, что, именно потому его не взяли в армию во время первой мировой войны, хотя тогда ему было где-то 35—36 лет.

Собственной семьей Георгий обзавелся несколько поздно, жена была моложе его на 10—15 лет.

До колхоза он занимался главным образом своим хозяйством. Выращивал зерновые и бобовые культуры. Летом скот перегонял на альпийские пастбища, зимой держал его в основном в скотнике. В общине был и такой порядок: отдельные скотохозяева договаривались пасти скот поочередно, обычно по пятнадцать дней. Это давало им возможность заниматься одновременно и земледельческими работами.

До колхозов Георгий увлекался также заготовкой лесоматериала, который он продавал жителям приморских районов, главным образом Мингрельцам.

С организацией же колхоза Георгий стал заниматься и общественным хозяйством. В нем он, как и другие жители села, выращивал пшеницу, ячмень, заготавливал сено для фермы в горах, которое привозил на санях. Кстати, Георгий был известен еще и как мастер по изготовлению саней. Он умел также плести корзины различных размеров и форм, применяемые при сборе урожая.

Георгий, в силу сложившихся в его жизни обстоятельств, довольно рано приобщился к физическому труду, поэтому он стал для него привычной формой движения. Но работал он умеренно, не надрываясь. В течение рабочего дня отдыхал три-четыре раза, а во время обеденного перерыва любил и поспать на часок или полтора. В целом же трудовая нагрузка его была большая, но никогда на нее не жаловался. Сильный был, трудности преодолевал легко.

Больше всего, с полной отдачей сил, Георгий работал до обеда. А из времен года наиболее трудоемкими он считает лето и осень, когда полевые работы требуют больших сил.

Работал Георгий всю свою жизнь исключительно на свежем воздухе, за исключением тех зимних дней, когда он занимался плетением корзин в закрытом помещении.

До последних двух десятилетий он ездил иногда на заработки — косил сено, копал землю. Таким образом он неоднократно бывал в Мегрелии, Карачаевске, Балкарии, Абхазии. Ездил также в Кутанси за солью, в которой часто нуждалось население Латали.

Как правило, Георгий раньше ел три раза в день. Сейчас он жалуется на свой аппетит. «Когда физически не работаешь и есть не хочется, без труда нет жизни», — говорит Георгий.

На вопрос, что способствует долголетию, он ответил: «трудолюбие и хладнокровие».

Третьим по счету информатором из числа долголетних людей Сванетии является жительница сел. Бечо Алихан Апрашидзе. Но по возрасту своему она вторая, после Георгия Цередиани. Ей 104 года.

Жизнь, прожитая Алихан, была трудная. Родилась она в селении Ецери (по сван. Хецер) в многочисленной семье четырех братьев — Хантук, Николоз, Епкул и Мыза. Мыза — отец Алихан — был моложе всех. Он имел двоих сыновей и пять дочерей. Алихан была последним ребенком по возрасту.

Рис. 20

Когда семье, состоявшей более чем из двадцати человек, стало тесно, братья начали отделяться от отцовского дома. В результате раздела хозяйства и имущества, Мыза — отец Алихан — остался в отцовском доме, но с кусочком земли, которая по своим размерам не могла кормить семью. Продукты питания, которые выращивали на ней едва хватало до марта-апреля. Практически негде было косить и сено, от чего зависело содержание скота — основы хозяйства семьи. Нужда заставила Мыза пойти на службу к племянникам Татархана Дадешкелиани, Тенгизу и Левану, сборщиком дани. Это вызвало на него подозрительное отношение со стороны односельчан. Даже близкие родственники начали отворачиваться от него. Тогда Мыза покинул родной очаг и переехал на постоянное местожительство в село Бечо, где сейчас живет Алихан. В этом ему помогли вос-

питанники его тещи, Бекурти и Джансуг Дадешкелиани, под покровительством которых находилось это селение. Здесь Мыза купил землю, построил дом и стал жить спокойно, без суеты. Но вскоре спокойная и радостная жизнь семьи Аспрасидзе оборвалась внезапной смертью старших братьев Алихан. Через несколько лет от инфекционной болезни скончались и ее родители. Замуж вышли сестры. В отцовском доме осталась одна Алихан. Так началось длинное время одиночества. Тогда ей было примерно 20—22 года. Жизнь научила ее в одинаковой мере справляться и с ткацким станком, и с пахотным орудием.

После организации колхозного производства, Алихан стала одним из первых его членом: выращивала пшеницу, ячмень, фасоль и другие культуры, которые имелись в селе.

Работала Алихан с утра до вечера, в течение всего рабочего времени отдыхала не более двух-трех раз; в полдень, как это делало подавляющее большинство долгожителей, спать не ложилась. Некогда было. Готовила пищу. Обычно ела три раза в день, но бывали случаи, когда за обедом домой не ходила. Горячую пищу принимала один раз, как правило, на ужин.

Естественно, что режим ее труда, на который особое внимание обращают геронтологи, отличался исключительной тишиной и обилием свежего горного воздуха. По ее словам, труд делал Алихан сильной и выносливой. Степень физической нагрузки, по ее оценке, была небольшой. Она не встречала такой работы, которую нельзя было осилить. К любому виду работы Алихан относилась спокойно, без каких-либо признаков нервозности. Напротив, «без работы не прожила бы и половины своих лет, сам бог не мог оторвать меня от работы, работа двигала меня», — рассказывает она. Результаты же труда ее радовали. Она жила стремлением делать больше и чувствовать себя не хуже других. «Если отстану от жизни, что подумают люди?» Это мысль никогда не покидала Алихан.

Двигательная деятельность Алихан была связана не только с домом и хозяйством. Часто она ездила в Джвари, где обычно приобретала предметы первой необходимости, а также к сестре, проживавшей в Абхазии (Мархьаул).

Говоря о своих поездках за пределы Сванетии, Алихан «по секрету» сказала мне, что всю жизнь она носила с собой пистолет, служивший для нее надежным другом. «Однажды, — говорит она, — я ехала верхом на лошади в Мегрелию. Недоезжая до Джвари, в ущелье меня догнал один молодой человек. Пользуясь отсутствием людей, он стал давать мне намеки на непристойные связи со мной. Я мигом вытащила пистолет и... мой «герой» тут же исчез».

По натуре же Алихан была человеком спокойного нрава. Никогда ни с кем не ругалась, не враждовала. Только с же-

ной ее дяди часто приходилось ссориться, так как та упрекала Алихан в «захвате» отцовского имущества.

Алихан не знает, что такое лекарство. Никогда не принимала его. Лишь в детстве болела один единственный раз. По ее мнению, это было вызвано тем, что в церкви она взяла какие-то крестики. А когда она их вернула, сразу выздоровела.

Небезынтересен и дневной хронометраж жизнедеятельности нашего информатора. Утром она встает рано. Вечером ложится спать довольно поздно. «Не спится», — говорит. Ходит к соседям, любит поговорить. Ждет, когда к ней придет племянник, который систематически оказывает ей всяческую помощь. «Скучно, очень скучно, — говорит она, — когда работала, работа заменяла мне всех, кого у меня не было. Теперь и этой «подружки» лишилась. Силы нет».

— Почему в свое время не вышла замуж? — спрашиваю

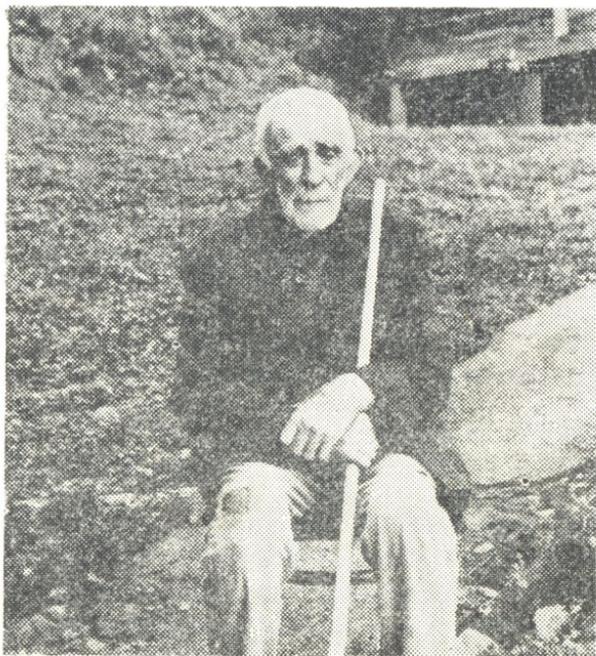

Рис. 21

я, хотя неприятно задавать подобные вопросы старшим по возрасту, тем более представителям женского пола.

— Еще при жизни родителей я любила одного молодого че-

ловека по фамилии Субелнани, но выйти за него мне отец не разрешил. А потом не решалась. Просто так выйти замуж не хотела²².

ДИОНОЗ ШАМУГИА, НАРИКИ ШАМУГИА, ИОСИФ КВАРАЦХЕЛИА И ЦИЦИНО КВАРАЦХЕЛИА

Жизнедеятельность старого охотника из предгорного села Мужава Цаленджихского района Дионоза Шамугиа неразрывно связана с горами. Этот столетний горец мечтает вновь увидеть горы Аджбанкуара, Кибо, Букустоу, Ашта, Башкапсара, Чамхара и др., расположенные, по его словам, слева от реки Ингури.

С самого раннего возраста начал он там пасти скот, а уже в юности занимался и охотой.

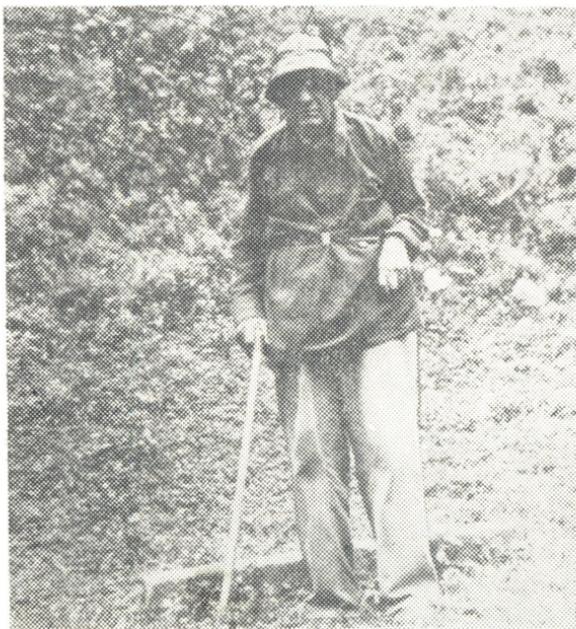

Рис. 22

Любовь Дионоза к горной жизни традиционна. Его дед, затем и отец, о которых с гордостью отзывается Дионоз, как крупные скотоводы не имели себе равных в данной общине.

²² Полевой материал автора 1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24.

Они разводили главным образом коз и овец, количество которых порою доходило до трехсот и более голов. Находясь в летнее время в горах, они охотились на быстроногих туров, которые обычно обитают по крутым склонам гор.

Отец Дионоза, Пепу, имел шесть душ детей: четверо сыновей — Миха, Дионоз, Хухут, Ляу, — и двух девочек — Кетэ и Дзау. Дионоз приходился по счету вторым ребенком в семье. Поэтому он был одним из тех мужчин в семье, на которых держалось все хозяйство, начиная с полеводческого, кончая скотоводческим. Физическая нагрузка его стала в двойне тяжелее ввиду смерти отца в возрасте 60—65 лет.

Забегая вперед отметим сразу же: если долгожительство идет по наследству, то Дионоз идет по стопам матери. Она прожила более, чем 100 лет.

Через год после смерти отца Миха — старший брат Дионоза — женился и отделился от семьи. Во главе хозяйства стал Дионоз. Он, как и раньше, занимался в основном скотоводством, ему часто приходилось принимать самое деятельное участие и в земледельческом хозяйстве. Весной под его руководством сеялись кукуруза и фасоль, затем, с наступлением теплых дней, он отправлялся на горные пастбища, а после прополки к нему поднимался один из братьев и помогал. Другой брат, оставшийся в доме, следил за земледельческим хозяйством, которым занимались также и сестры. Дионоз младших братьев в горы не отправлял, так как они не обладали достаточным опытом. Горы не прощают шуток или оплошностей.

Зимой, когда в лесах Мухава кончались корма, Дионоз отправлял скот в равнинные селения, где коз и овец разводили мало. Весной опять перегонял скот в предгорье, а летом в те же горные районы. Так он поступал до вступления в колхоз.

В брак Дионоз вступил сравнительно поздно, как он сам говорит, — в 35—36 лет. Жена его, Женя Лемонджава, родила троих сыновей и троих дочерей: Англишья, Датико, Агница, Татушь, Жьуй, Алико. Старше всех Англишья, которой сейчас 56 лет. Отсюда и выясняется, что Дионоз допускает ошибку относительно его возраста вступления в брак. То есть тогда, по видимому, ему было не меньше сорока лет, если жена родила первого ребенка даже через два-три года после женитьбы.

После рождения третьего ребенка, Дионоз отделился от отцовского дома, оставив в нем младших братьев. Поровну разделили они все хозяйство, в том числе и скот, хотя им занимался преимущественно сам Дионоз. С этого времени он работал на ферме, где держал и свое личное стадо, ведя одновременно также и земледельческое хозяйство. По необходимости пастухи освобождали друг друга по несколько дней. В свободное от основного занятия время Дионоз отправлялся еще на заработки. Он был великолепным строителем традиционных жилищ. Стро-

ил главным образом дома из тесанных досок на сваях, покры-
вавшиеся дранью — одасахли.

Дионоз был по своей природе веселым человеком. Любил шутить, умел петь и танцевать хорошо, тем самым он всегда привлекал внимание молодых женщин. Он мог также пить много вина. А когда стал справляться с обязанностями почетных людей, его избрали тамадой, но никогда никто его не видел пьяным. Он всегда умел сдерживать себя. Вино Дионоз любит и сейчас, если посадить его с гостями, то выпьет до десяти стаканов «Изабеллы». Из блюд предпочтение отдает молочным продуктам, мясо ест не чаще одного-двух раз в неделю. Как правило, пищу принимает, как и в более молодые годы, три раза в день. Обычно это гоми — мамалыга из курурузной муки с сыром, мацони. Он любит также лобιο — вареную фасоль, заправленную аджикой и пряными травами.

Если не считать того, что несколько лет тому назад умерли два брата, то Дионоз не получал никаких стрессовых ударов. В семье у него все в порядке: сыновья и дочери живут в окружении своих потомков, которыми он так гордится. «Продолжительность жизни зависит, — говорит Дионоз, — от семейного благополучия, от счастья детей. Если человек доволен своим потомством, если он не жалуется на свои жилищно-бытовые условия, если живет в таком хорошем селе, как Мужава, где живут хорошие люди, и дышет горным воздухом, то он не должен сдать свои позиции не раньше, чем через сто лет».

Заканчивая свой рассказ о Дионозе Шамугна, мне хочется подчеркнуть еще одну особенность, которой, на мой взгляд, он отличается. Это дружелюбие.

Как в любом мегрельском доме, моя беседа с Дионозом закруглилась за обеденным столом. Перед тем, как сесть за стол, совершенно неожиданно для меня, он спрашивает меня по-абхазски «абхазский язык знаешь?»

— Конечно, знаю, — отвечаю я.

— Молодец! — говорит он мне, опять на абхазском.

— Где Вы так научились абхазскому языку? — спросил я.

— Почти каждое лето я встречался с абхазами в горах. Вместе пасли скот, вместе охотились. Вот, они и научили меня абхазскому. Они ведь были моими друзьями. Язык друга надо знать. Я их тоже научил мегрельскому. При этом, каждый раз они старались говорить со мной по-мегрельски, а я — по-абхазски.

Биография другого долгожителя того же селения Нарики Шамугна простая. Тем более, что всю свою 90-летнюю жизнь он провел холостяком.

Он не любит говорить о своем прошлом. А причину, почему не женился, совершенно не раскрывает. Просто, этот вопрос он обходит молчанием. Нарики, несмотря на старость, довольно

симпатичный человек: выше среднего роста, крепкого телосложения, брюнет, с большими карими глазами и прямыми чертами лица.

Возраст его я установил верификационным методом. «В год Большого снега я находился в призывном возрасте, но в

Рис. 23

армию меня не взяли, так как семья моя оставалась без кормильца», — сказал Нарики, когда я спросил его, сколько ему лет.

Нарики был первым ребенком в семье. Следующий его брат, Махаз, еще не мог справляться с пахотным орудием. Остальные — Миша, Хута, Чахви и младшие сестры, Баджи и Кита, нуждались в присмотре со стороны взрослых. А отец серьезно болел, был прикован к постели. Он, как и другие его четыре женатые братья, жил с родителями. Дедушка и бабушка были уже нетрудоспособными. Они в свое время не разрешили сыновьям отделиться от дома. Только после их смерти семья распалась. Первым отделился отец Нарики, Коста. И буквально через несколько лет заболел. Семья Нарики жила недалеко от отцовского дома — джиджи-куде. В начале у них стоял плетеный дом с земляным полом, т. е. пита-пицара, аналогичный абхазскому амацурта. Затем построили ода-сахли. Во всех де-

лах отца Нарики, как самый взрослый сын, принимал непосредственное участие, а вскоре стал и основной фигурой в семье. Для этого он занимался даже заготовкой леса, из чего делались элементы остова домов. Каждая малая семья Шамугна жила отдельно и вела отдельное хозяйство, но при этом в общем пользовании были мельница, большой котел, остродонный кувшин, вскрывавшийся при молении Сагоронто, напоминающего абхазское анцварныхуара (моление богам). Когда собирали урожай винограда, каждая малая семья наливала в этот священный кувшин свою долю вина.

Отец Нарики умер лет пятьдесят назад в возрасте около 80 лет, а мать его — 22 года тому назад, приблизительно в таком же возрасте.

Нарики, как и его двоюродные братья — Дионоз и др. — имел большое хозяйство: около 20 голов крупного рогатого скота, 90—100 голов коз и овец, несколько верховых и вьючных лошадей, выращивал кукурузу, бобы и пр. культуры. Нарики помнит еще то время, когда возделывали просо-гум двух видов, желтого—чита, и че—белого.

В колхозе Нарики работал со времени его организации вплоть до последних десяти лет. Он выращивал кукурузу, табак, собирал чай, тунг. Как глава семьи, Нарики нес основную тяжесть как личного, так и общественного хозяйства.

Далее речь идет о тех данных, которые я записал у него, исходя из вопросника по трудовой деятельности долгожителя.

Нарики начал приобщаться к физическому труду, примерно, с 9—10 лет. Обычно он помогал отцу. В частности, в этом возрасте он пас коз недалеко от дома, принимал участие в прополке кукурузы, водил за собой запряженных волов и т. д. Уже в 15—16 лет он стал действовать почти самостоятельно — пахать, возить груз на арбе. Работал с утра до вечера с кратковременными перерывами. В юности обеденный перерыв длился у него до трех-четырёх часов, а когда он стал главой семьи, это время несколько сократилось. В пожилом возрасте он начал отдыхать дольше и чаще.

На вопрос, чувствовал ли он нервную напряженность во время выполнения той или иной работы, ответил отрицательно. То есть для него любая работа принималась как привычное дело и поэтому она не вызывала у него отрицательных эмоций.

Как он говорит, наиболее интенсивно и охотно работалось ему в первой половине дня. После обеда работать не очень хотелось, более вяло чувствовал себя.

Самым тяжелым временем года Нарики считает осень, когда люди занимаются сборкой урожая.

Судя по разговору, Нарики, как и другие его ровесники, не может не работать, но здоровье подводит. Несколько лет тому назад, у него стали болеть ноги, особенно левая нога.

За последнее время его беспокоит и левая рука, которая изо дня в день теряет жизнеспособность.

Что касается вопроса о его жизни в пожилом возрасте, то Нарики на него не может ответить однозначно. Видимо, причина нерешительности ответить на этот вопрос в его несемейности, хотя об этом он не говорит ни слова.

Недельный режим нынешней жизнедеятельности Нарики:

По утрам встает между 8 и 10 часами. Пищу принимает два-три раза в день. Утром и вечером ест мало. Вино и водку не употребляет. Слабость, вызванная малоподвижностью часто вызывает упадок силы. Поэтому в течение дня он отдыхает несколько раз, лежа на диване. Спать ложится тогда, когда и вся семья. Живет Нарики в отцовском доме вместе с 72-летним братом, имеющим, в отличие от него, жену, детей и внуков. Главой семьи по традиции считается сам Нарики, но фактически им является его брат.

Следующего долгожителя зовут Иосиф Кварацхелиа. Живет он в селе Джгали, буквально у трассы, соединяющей его с районным центром.

Отметим сразу же, что Иосиф Кварацхелиа один из немногих, кто является участником двух войн и борьбы за установление Советской власти в крае. Он является также старейшим членом данного колхоза, становление и развитие которого связаны и с его именем.

Иосиф родился в 1894 году в семье зажиточного мегрельского крестьянина Кеде Кварацхелиа. В детстве судьба его сложилась неудачно. Еще восьмилетним мальчишкой он лишился матери — Анны Гвинджилиа, скончавшейся от ожогов. Через два года, после этого, отец вновь женился. На этот раз на Макринэ Белканиа. Мачеха Макринэ была не из тех, кто балует пасынка или падчерицу. Она заставляла Иосифа и его сестер, Шоу и Еле, заниматься всеми, без исключения, домашними делами, благодаря чему он очень рано научился жить самостоятельно. Вскоре семья его отца начала прибавляться. Мачеха Макринэ родила сына, затем пошли и другие.

Иосиф, как первенец среди детей в семье, рано взялся за физический труд. Не говоря уже о более легких работах по домашнему хозяйству, которые ему приходилось выполнять ежедневно; в 12—13-летнем возрасте он занимался плетением забора, вспахиванием поля и т. д. и т. п.

В хозяйстве имелось большое количество крупного рогатого скота. Летом Иосиф вместе с дедушкой Бурдуг перегонял его в горы, главным образом в Гвандра, где берет свое начало река Хобисцкали, зимой пас в окрестностях своего селения. А когда пастбища здесь беднели, он отправлял скот в Потн, где стоял отцовский балаган, т. н. кера, крытый соломой. Аналогичная постройка имелась у них и в Гвандре, но в отличие

от нее, та покрывалась драпью. Спал он на шкурах животных, которые называются куахьча²³. В качестве же одеяла служила бурка — набади. Иосиф никогда не расставался со своей палкой — кети, сделанной им в горах еще в детстве. Дедушка носил всегда льябашья²⁴ — посох с длинным метал-

Рис. 24

лическим острием. Термином «куахьча» называется еще и накидка, которую носят на спине пастухи в ненастную погоду.

С наступлением же весны Иосиф и дедушка Бурдуг вновь отправлялись в горы. Нередко пастухи, в том числе и Иосиф, образовывали объединение — акошьакаура, напоминающее абхазское «агуп». Оно было выгодно не только как коллективное ведение хозяйства, но и как наиболее надежная форма самозащиты.

Иосиф очень любил охоту. И пастухи, зная это, освобождали его от пастушеских дел и отправляли на охоту за турьим мясом. Занятие это, по его словам, доставляло неподдающееся объяснению огромное удовольствие.

²³ Куахьча — от абх. «акуахьча», что буквально значит «накидка для спины».

²⁴ Льябашья — от абх. «алабашья», состоящего из двух слов: алаба — палка и шья — колотая, говорящих о технике изготовления предмета.

В 1914 году Иосифа призвали в царскую армию, а в семнадцатом вернулся домой. «Несколько позже, — вспоминает Иосиф, — я вошел в боевой революционный отряд крестьян, руководимый уроженцем села Мухури Свимо Толордава. Поскольку меньшевики сплели себе основное гнездо контрреволюции на территории Абхазии, наш отряд перешел реку Ингури с целью помочь абхазским революционерам в ликвидации противостоящих сил князей Ачибая, Емухвари и Маргания. (Ачба, Аимхая и Маан — авт.). До нашего прихода там действовал вооруженный отряд борцов за власть Советов во главе с Павлом Дзигуа. В эти годы я видел Ефрема Эшба и Нестора Лакоба».

После установления Советской власти Иосиф, как и многие другие его товарищи по оружию, проводил в массах пропагандистскую работу и вел непримиримую борьбу с классовыми врагами народа. В колхоз вступил он одним из первых в селе Джгали и оказывал ему всестороннюю помощь. В частности, на общественное пользование коллектива он отдал пару волов и двух лошадей.

В 35—36 лет, Иосиф женился на девушке из селения Зуми, по фамилии Начкебиа. И сразу же он со своей женой отделился от отцовского дома и построил себе чинисгобили — плетеное из орешника жилище с земляным полом, крытое из соломы. Через четыре года после этого, то есть в 1932 году, у них родился сын, Гуда. Затем родились еще двое — Валико и Гедеван.

В 1940 году Иосиф Кварацхелиа вступил в ряды КПСС. В начале Великой Отечественной войны добровольно ушел на фронт. Через несколько месяцев его ранили тяжело, после чего был вынужден возвратиться домой. Но фронту помогал своим трудом: выращивал кукурузу, табак.

В период восстановления народного хозяйства Иосиф долгое время работал в Сванети в качестве лесоруба, а позже и заготовителем драни, которую он привозил оттуда выюком на лошадях.

Так долгие годы, заботясь о семье, трудился Иосиф Кедевич вплоть до преклонного возраста. Теперь он спокоен. Дети обзавелись семьями, появились внуки, правнуки... Что интересно, с водворением в его дом невесток, он настоял на том, чтобы их нарекли другими именами, как это делают до сих пор в сельских районах Абхазии. Жен старших сыновей, например, — Женю Дарсалиа и Марусю Микава — зовут здесь, в селе Джгали, Зиной и Имедой. По его словам, обычай переименования женщин после вступления в брак был распространен у мегрелов, проживающих в Цаленджихском, Чхороцкуйском и Зугдидском районах еще двадцать-тридцать лет тому назад, но он стал забываться под влиянием новых семейных и общественных отношений.

Несмотря на солидный возраст, Иосиф еще трудоспособен, выполняет все без исключения работы по личному подсобному хозяйству, тем самым он облегчает труд молодым членам семьи, всецело занятым на производстве.

Долгожитие, можно сказать, традиционна в роду Иосифа Кварацхелиа. Дедушка Бурдуг прожил 110 лет, Бабушка, Гукиги Дзидзариа — около 100, отец — 95. Сестры, Шоу и Еле, умерли недавно, Пере за 80. Только братьям от второго брака отца не повезло. Дороте умер от рака, Иларий перерезал себе горло, когда боли от ран, полученных на войне, стали невыносимы, другой — Никандр погиб на фронте.

Дополнительные сведения о трудовой деятельности нашего информатора:

Основным своим занятием Иосиф Кварацхелиа считает прежде всего скотоводство, затем — земледелие. В юности и в молодые годы он занимался им всегда, с утра до вечера. Пастушество, по его мнению, нельзя считать тяжелым занятием, но с ним связано большое движение. Обеденный перерыв у пастуха длится обычно три-четыре часа, иногда и больше, особенно в летнее время. Это зависит еще от места нахождения. В горах пастух отдыхает дольше, и в хорошую погоду его трудовая нагрузка бывает незначительной. Всюду он находится на свежем воздухе.

Что касается отношения Иосифа к физическому труду вообще, то он, как и другие старожилы, считает его необходимым условием жизни.

Жизнью своей он доволен. Доволен и результатами своего труда.

В настоящее время Иосиф чувствует себя бодро. Утром встает очень рано. Привык. Вечером ложится спать тогда, когда потянет сон, обычно после окончания телевизионных передач. Пищу принимает так же, как и в прошлом — три раза в день. «Разница только в качестве употребляемых продуктов питания, — говорит он. Мясо-молочные продукты, получаемые в условиях домашнего хозяйства отличаются маложирностью. Когда скот пасется в горах, он дает жирное молоко». Вино пьет когда в доме гости, но немного. В полдень он любит поспать. Тоже привычка.

Есть люди, которые работают не только из материальных соображений. Для таких труд служит рычагом жизни, без которого нельзя, невозможно привести себя в движение. А как же еще сказать, например, о женщине, которой около ста лет, но вместе со своими правнуками вырывает сорняки из-под мандариновых корней тогда, когда не отказываются даже молодые люди прилечь где-нибудь в тени.

Жители села Накипу сразу догадываются, что речь идет о Цицино Кварацхелиа.

Может быть материальная нужда заставляет старую Цицино работать в такое жаркое время дня? Отнюдь нет. В ее семье несколько трудоспособных членов, свободно справляющихся со всеми хозяйственными задачами. Она состоит из сына, Гугуни, невестки, Жуны, взрослых внуков, Юрия, Рубена, Котэ, жены Юрия Зои и трех правнуков. Вообще у Цицино 18 внуков и 29 правнуков и правнучек.

В глубине большого просторного двора стоит двухэтажный дом из кирпича. В двадцати метрах от него, слева, стоит другое жилище несколько удлиненной формы. Это то, в котором живут Цицино и двое младших внуков. Она предпочитает старый дом по той простой причине, что его построил еще ее покойный муж. В нем выросли все ее дети. Что касается тех внуков, которые живут с ней, то они очень привязаны к своей бабушке — ласковой и сердечной Цицино.

Цицино родилась в 1888 году в селении Чвирши, в семье состоятельного крестьянина Джублы Жваниа. Отец Цицино, Пахвала Жваниа, был младшим сыном Джубла. Старшие братья Пахвала, Гутна, Бекуя и Сепуя, как и он сам, имели уже детей. Таким образом, всего в данной семье проживали 23 человека. Дедушка и бабушка жили в пацхе, плетеной из рододендрона, остальные — в большом четырехкомнатном джартвале — бревенчатом доме с земляным полом. После смерти дедушки Джубла, старшие братья отца Цицино отделились поочередно; в отцовском доме остался Пахвала со своей малой семьей.

Отец Цицино был земледельцем, но с таким же успехом он занимался и торговлей. Излишки урожая, главным образом, кукурузы, Пахвала продавал на рынке. Он держал в своем хозяйстве для продажи также небольшой табун. Часто он ездил в Новороссийск, где у него имелся духан. С домашним скотом справлялась Цицино.

Мать Цицино умерла от родов. Через год после этого отец женился на Агатиа Начкебиа. Но Агатиа не родила никого; она воспитала с материнской заботливостью всех троих детей Пахвала — Терезиа, Юстинэ и Цицино.

С самого раннего возраста Цицино, как и ее старшие сестры, стала заниматься физическим трудом. Одновременно мачеха учила ее рукоделию. В этом деле Цицино проявляла исключительную способность. Она уже в 12—13 лет умела вязать, ткать, кроить и шить. Она была еще совсем юной, когда односельчане и даже из других селений молодые люди обращались к ней с просьбой изготовить ту или иную одежду. Еще известный грузинский этнограф С. Макалатиа обратил внимание на Цицино, как на одну из мастериц в Мегрелии. Ее фотография на фоне ткацкого станка помещена в той книге, которую он посвятил культуре и быту мегрелов. Фотография Цицино висит

также на одном из стендов отдела этнографии Зугдидского государственного музея.

Цицино вышла замуж в 15 лет. Мужу, Закариа Кварацхелиа, тоже было 18 лет. Когда ей исполнилось всего 16 лет, она стала матерью. Потом пошли еще четверо.

Старший сын Цицино, Константинэ, умер в 1919 году от аппендикса. Следующий, Давид, погиб на фронте. Гугуни — средний ее сын — является главой семьи и имеет четверо детей и трое внуков. Дочнари, Пушуту и Чука, тоже семейные, живут в других селах района.

После организации колхоза в селе Накипу Цицино работала на всех звеньях производства: сначала она выращивала табак, затем закладывала чай, с появлением продуктивных плантаций которого начала заниматься и сбором его листа.

Между тем, Цицино была еще и незаменимой акушеркой. В условиях бездорожья, когда сельские жители не имели представления о родильном доме, она приносила людям радость. Здесь нет наверное такого человека из числа среднего поколения, которого бы она не приняла.

В 1967 году умер муж Цицино, Закариа Кварацхелиа.

Невестка, жена Гугуни, относится к ней хорошо, как к своей матери. И Цицино в свое время помогала ей во всех домашних делах: готовила пищу, нянчила детей, разводила домашних птиц. За это время невестка работала в колхозе, приносила семье доход.

И в настоящее время старая Цицино не хочет сдавать свои позиции. Не сидится. И это закономерно: вся ее жизнь прошла в трудовом процессе. Об этом говорит и анкета, заполненная мною в связи с изучением вопросов ее трудовой деятельности:

1. Основное занятие в юности — женское рукоделие, в зрелые годы — полеводство, в пожилом возрасте — то, чем занималась первоначально, то есть рукоделие.

2. Трудилась с детства.

3. Не нормированный рабочий рень.

4. Отдыхала главным образом в полдень, если можно считать отдыхом приготовление пищи семье. В зрелые годы она отдыхала еще меньше.

5. Экологические условия — все время работала на свежем воздухе, даже тогда, когда занималась рукоделием, поскольку она жила в основном в плетеном из рододендрона доме.

6. В юности работа ее носила несколько вольготный характер. Такой она стала и в пожилом возрасте. Наиболее интенсивно она работала в зрелые годы, когда все заботы лежали на нее.

7. Несмотря на степень физической нагрузки, работа никогда не вызывала у нее отрицательных ощущений. Наоборот,

она думала о том, как результаты ее труда доставляли ей удовольствие.

8. В юности и в зрелости она работала равномерно, но в зрелые годы трудилась больше и дольше.

9. Наиболее трудными, в хозяйственном отношении, временами года она считает лето и осень.

10. Когда она занималась рукодельческими работами, степень двигательной нагрузки была небольшая, а в те годы, когда трудилась в колхозе, — ходила почти в два-три раза больше.

11. Труд по ее мнению исцеляет человека от всех болезней.

12. Жизнью своей она в общем-то довольна, но от смерти ближайших ей людей, особенно сыновей, сильно страдает.

Недельный хронометраж Цицино выглядит так:

С постели поднимается примерно в 9 часов. Пищу принимает два-три раза в день, но очень мало. Постоянное ее занятие — уход за домашней птицей, огородом. После обеда она отдыхает больше, чем работает. Устает. Иногда и поспит на часок. Вечером ложится в 10 часов, несколько раньше других взрослых членов семьи.

В заключении хочется отметить, что по своему характеру, Цицино довольно смирная старушка. Внук, работающий врачом в Цаленджихе, сказал ей не употреблять свинины. Вот уже десять лет, как она не ела ее. Он сказал ей еще чтобы она ела побольше молочные продукты. Цицино строго придерживается этого принципа. И домочадцы ее заботятся о том, чтобы ей было хорошо.

ВЫВОДЫ

ИЛИ ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ДОЛГОЛЕТНИХ ЛЮДЕЙ

...Итак, мы познакомились с основными вопросами образа жизни ряда долголетних людей. Много ли из этого материала можно извлечь? Говоря словами Пьера Лапласа, то, что мы знаем ограничено, а то, чего мы не знаем — бесконечно. Прежде всего это потому, что в данном случае мы имеем дело с человеком — давним, но всегда актуальным для науки объектом исследования. Задача наша тем более сложна, что она всецело касается вопроса продолжительности жизни человека, полной контрастов и противоречий.

По убеждению абхазских стариков, продолжительность человеческой жизни — 100 лет. Больше — подарок, меньше — наказание.

Анализ и конструирование имеющегося материала показывает, что за всю свою «вековую» жизнь человек преодолевает пять возрастных категорий, каждая из которых состоит из четырех ступеней, каждая ступень продолжительностью пять лет. Следовательно, всего возрастных ступеней двадцать. Народная же номенклатура, бытующая до сих пор для обозначения возрастных категорий и ступеней, довольно строго отражает и половозрастную градацию¹.

Грудной ребенок до года — адзкы (краткая форма существительного «адзкынты», ср. апш-дзкынты — кукуруза молочной спелости)² не входил еще в человеческий род, не имел

¹ Возрастные категории у абхазов изучались А. П. Павленко. Работая в различных селах Абхазии, он собрал определенный этнографический материал, осветил ряд вопросов в двух почти одноименных и идентичных по содержанию работах — «Возрастные категории в абхазском обществе». — Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 46—49; его же, «Возрастные категории абхазов и их социальная роль». — Абхазское долгожительство. М., Наука, 1987, с. 271—275. Но по охвату вопросов эти работы не могут претендовать на значительное освещение проблемы, к тому же в них имеются неточности, а местами — и неверные толкования.

² В абхазском словаре «Адзкынты» интерпретируется как «незрелый, молоденький» и сравнивается с ребенком: «Сара схучы дзыкынты ура да-

Абырг	Пожилой человек 60—65 лет	Ауаю, зуаюра итагылоу	Зрелый, дословно, человек
	Пожилой человек 65—70 лет	Зуаюра интысуа ахаца	Мужчина, выходящий из ауаюра
	Пожилой человек 70—75 лет	Зажвра инта-лаз ахаца	Мужчина, склонившийся к старости
	Пожилой человек 75—80 лет	Зажврахь инеиуа ахаца	Мужчина, приблизившийся к старости
Атахмада	Старик 80—85 лет	Ауаюажв, за-жвра итагылоу ахаца	Старый человек, мужчина в ажвра
	Старец 85—90 лет	Атахмада	Старый человек, дословно: тот, кому доверено главенство семьи
	Старец 90—95 лет	Атахмада -гу-гуа	Глубокий атахмада
	Старец 95—100	Атахмада - надза, царта змам атахмада	Атахмада, достигший потолка человеческого возраста; Атахмада, которому уже некуда идти

атахмада-кабада

Женщин:

Возрастные категории	Денотат	Возрастные ступени	Этимология	Примечание
Ахучы	Ребенок до 5 лет	Ахучы-пшка	Ребенок-гладкий	Грудной ребенок до года—адзкы, после года — ацицныкуа, до двух лет—агаранца
	Девочка 5—10 лет	Адзгаб-хуч	Маленькая девочка	
	Девочка 10—15 лет	Адзгаб-ката	Девочка-поросль	
	Девушка 15—20 лет	Адзгаб-купш, атыпха	Юная девушка, семейная дочь	
Апхузба	Девушка 20—25 лет	Апхузба-купш	Девушка, способная стать женщиной, но еще молода	
	Девушка 25—30 лет	Апхузба	Девушка, дословно: способная стать женщиной	
	Женщина 30—35 лет	Апхузба-надза	Девушка, достигшая до потолка апхузба	
	Женщина 34—40 лет	Зыпхузбара интысуа	Женщина, перешагнувшая апхузбара	
Апхус	Женщина 40—45 лет	Апхус-ча	Молодая женщина	Злая, языкастая женщина, в свое время не вышедшая замуж — атыджха (дословно: дочь, ставшая бременем для семьи)
	Женщина 45—50 лет	Апхус	Женщина	
	Женщина 50—55 лет	Збыргра инта-лаз апхус	Женщина, склонившаяся к абргра	

	Женщина 55—60 лет	Збыграхть иненуа апхус	Женщина, при- ближающаяся к абыргра	
Апхусбырг	Пожилая жен- щина 60—65 лет	Апхус-бырг	Женщина-абырг (зрелая женщи- на)	С этого возрас- та женщина могла называть- ся «атахья» — «засидевшаяся», если была ста- рой девой!
	Пожилая жен- щина 65—70 лет	Збыгра интыс- уа апхус	Женщина, пере- шагивающая абыргра	
	Старая женщина 70—75 лет	Зажвра анталаз апхус-бырг	Женщина- абырг, склонив- шаяся к ста- рости	
	Старая женцсна 75—80 лет	Зажврахь иней- уа апхус-бырг	Женщина- абырг, прибли- зившаяся к ста- рости	
Атакуажв	Старая женщина 80—85 лет	Апхус-бырг- надза	Женщина, дост- игшая до по- толка абыргра	
	Старая женщина 85—90 лет	Атакужв	Старуха	
	Старая женщина 90—95 лет	Атакуажв-гу- гуа	Глубокая ста- руха	
	Старуха 95—100 лет	Атакуажв-надза, царта змам атакуажв	Атакуажв, дост- игшая до по- толка челове- ческого возрас- та; атакуажв, которой уже некуда идти	

и имени. Умершего адзкы никто не оплакивал, — цасым, дма-
алыкьуп, — говорили (запрещается, он ангел) и хоронили в
первой половине того же дня³. Только с исполнением им года,
ребенок считался членом семьи. В этот день ему давали имя,

бауматвоу» — «мой ребенок-адзкынт тебе не подходит». А. П. Павленко
этимологизирует как «держат материнскую грудь».

³ В Бзыбской Абхазии взрослого хоронят на третий-четвертый день, а
в Абжуйской — на пятый или даже на седьмой день перед заходом солнца.

производили «стрижку волос»⁴, «развязывание ног»⁵, отдельно определяли мамалыгу (иху анырцон). После года его называли ачыцныкуа — ребенком, едва начинающим ходить. До трех лет он мог называться также и агаранца, что значит люлечный. Вообще ребенок до пяти лет это ахуачы-пшка, что переводится как «мягкий ребенок» (от ахучы — ребенок, дитя и апшка — мягкий, гладкий. Ср. амакья-пшка — мягкий точильный камень, анарма-пшка — тонкая, мягкая бязь). В качестве синонима ахучы — ребенок употребляется иногда асаби (букв. дитя. Ср. аласба — щенок. Этот термин больше распространен среди абазин)⁶.

Во все века выдающиеся мыслители указывали на труд как на источник добрых дел для общества и для самой личности, как на условие счастья. «Счастье дается тому, кто много трудится», — считал Леонардо да Винчи.

Нынешние абхазские долгожители с ранних лет приобщались к физическому труду. Уже с пяти лет — с начала второй ступени детства — ахучра (от ахучы — ребенок и ра — словообразователя существительных) — ребенок — ачкун-хуч (маленький мальчик) — считался полезным в домашнем быту. Он мог, например, подать напиток воды, поддержать полотенце во время омовения рук взрослыми, позвать кого-нибудь из членов семьи, находящихся во дворе, выгнать домашних птиц из дома. Семи-восьмилетний мальчик поддерживал огонь в очаге, пас козлят или ягнят недалеко от дома, подавал хворост тому, кто занимался плетением забора, носил еду работающим в поле старшим членам семьи, садился на арбу и погонял запряженных в нее животных, когда впереди шел кто-нибудь из взрослых, и, конечно же, самостоятельно держался верхом на лошади. Девочка же такого возраста — адзгаб-хуч (маленькая девочка) могла подавать тарелки и другую необходимую посуду матери, сервирующей стол, сыпала муку в котел, в котором та варила абысту (мамалыгу), ходила с кувшинчиком до родника, училась кроить и шить, помогала матери или бабушке в огороде и пр. В десять лет и мальчик, и девочка четко знали, что они уже в старшем детском возрасте и назывались, соответственно,

⁴ См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов. Тб. Мецниереба, 1983, с. 88—89. По Г. Ф. Чурсину, «первый раз стригли ребенку волосы через пять месяцев после рождения». См. его работу «Материалы по этнографии Абхазии». Сухуми, Абгиз, 1957, с. 185.

⁵ См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов..., с. 89. По Н. С. Джанашиа, этот обряд совершали только тогда, когда ребенок долго не начинал ходить. См. его работу «Статьи по этнографии Абхазии». Сухуми, Абгиз, 1960, с. 107.

⁶ См. Словарь абхазского языка. Сухуми, Алашара, 1987, т. 2, с. 52.

ачкун-ката (букв. парень-поросль) и адзгаб-ката (девушка-поросль). Ачкун-ката доверялось управлять волами, когда взрослые пахали поле, ездить на мельницу, пасти скот в окрестностях села. В таком возрасте он начинал работать с матыгой и плугом, причем специально для него приобретались орудия меньшего размера, участвовал в уборке урожая, заготовке сена, дров, учился стрелять из ружья, летом помогал пастухам на высокогорных лугах, выслеживал дичь, зимой на зверных лазах и переходах ставил небольшие капканы. Другими словами, ачкун-ката становился помощником отца во всех хозяйственных делах. С таким же успехом помогала матери и адзгаб-ката. Вместе с матерью, чаще и самостоятельно, она наводила порядок в доме, подметала двор, при необходимости же помогала в приготовлении пищи и других более трудных работах, считавшихся чисто женскими (апхус-ус). Конечно же, первостепенной обязанностью девочки-подростка являлось обслуживание взрослых членов семьи — подавать ту или иную вещь, поливать им воду на руки перед едой и после и пр.

Собственно детство у абхазов заканчивалось практически после пятнадцати лет. Наступала пора самостоятельности. Прежде всего, юноша, называвшийся уже ачкун-купш (букв. мягковолосый парень), получал право на именную лошадь, ношение оружия. С этого времени он становился полноценным членом не только семьи, но и рода. В отсутствии отца, свободно, без стеснения являлся на сход или собрание общины, как представитель семьи. В хозяйственном же быту ачкун-купш полностью заменял отца, если в этом возникала необходимость. На свадьбах, игравших по соседству, иногда и в окрестностях села, он обслуживал гостей в ашапе — свадебном навесе, в частности, подавал им вино, причем, не отходя ни шагу от них и четко соблюдая, кто как и сколько выпил. На похоронах же его определяли в качестве абгакю — сопровождающего оплакивающих покойного мужчин. Но если ачкун-купш участвовал на подобных предприятиях в другой общине, то его место было среди гостей.

С пятнадцати лет девушку называли атыпха (букв. дочь семьи, то есть домашняя девушка⁷) и умела уже выполнять все женские работы по дому. Кроме того, атыпха должна была приготовить себе основной набор приданого и подарки, которые раздает невестка в день ее свадьбы родственникам жениха. Много трудилась атыпха во время приема гостей: за столом она наливала в бокалы вино. При этом, ни в коей мере ей не полагалось не только садиться, но и хоть на миг поставить графин

⁷ А. П. Павленко интерпретирует как слово, состоящее из «ты» — «зрелая» и «апха» — «дочь».

на стол. Между тем, угощение длилось часами, нередко и целые сутки. Перед сном она помогала гостям помыть ноги и раздеться, после чего чистила им обувь и гладила одежду. С такого возраста девушку выводили и в общество. И молодые люди начинали присматриваться к ней. Она должна была знать уже как держать себя — скромной в поведении, вежливой и услужливой по отношению к старшим.

В двадцать лет молодые люди считались уже физически совершенными, а в социальном отношении — вступившими в период зрелости, оставив позади детство. Молодой мужчина, называвшийся уже ачкун, в случае необходимости, становился воинном, поэтому о нем говорили «а р п ы с» (букв. предводитель войска), подчеркивая тем самым практические возможности его возраста. С двадцати лет девушку называли апхузба или адзгаб (апхузба — способная быть женщиной; та, которая моложе женщины. Этимология «адзгаб» не очень понятна, возможно состоит из двух слов: аицбы — младшая, пха — дочь. Этот термин распространен и среди мегрелов, но без аффикса «а»). Ачкун и апхузба пользовались некоторыми льготами в домашнем быту. Они привлекались к хозяйству меньше, чем семейные мужчины и женщины. Апхузба, как правило, не допускали к тяжелым физическим работам, тем более в полевых условиях. В этом следует видеть, видимо, боязнь родителей повредить здоровью детей — продолжателей рода. Как метко подметила Я. С. Смирнова, дочери в отцовских и, особенно, в больших семьях не столько работали, сколько учились работать, чтобы стать хорошими хозяйками после замужества⁸. С вступлением же в брак, мужчина, именующийся теперь ахаца (букв. отделившийся, в смысле: мужчина, способный обзавестись семьей и отделиться от отцовской семьи), считался привязанным к своему дому и выполнял все хозяйственные работы. Такой порядок устанавливался и для замужней женщины а п х у с (сложное слово, части которого показывают женский пол). Более того, апхус, как а т а ц а (невестка, букв. женщина, ушедшая к семье, то есть создавшая семью), должна была соблюдать обычай избегания по отношению к старшим родственникам мужа — не разговаривать в их присутствии вслух, не садиться при них, оказывать им всевозможные услуги и т. д. Невестка никогда не отвечала на их слова и вопросы, только молча выслушивала их, принимала к сведению и исполняла. Она не произносила не только личных имен, но и фамилии отдельных родственников из числа людей преклонного возраста. Еще сильнее и безусловнее применялся этот запрет по отношению к родственникам

⁸ Я. С. Смирнова. Семейное и общественное положение старших возрастных групп. — Абхазское долгожительство. М., Наука, 1987, с. 276.

мужа по материнской линии⁹. Невестка должна была раньше всех вставать и позже всех ложиться спать. Весь день она была занята по дому. Вечером должна была накормить и напоить всех своих домочадцев, убрать со стола и лишь потом закусить незаметно где-нибудь в углу. Но и после этого считалось неудобным сразу идти в амхара (новобрачный домик, плетенный из рододендрона с конусообразной крышей из соломы), поэтому она еще некоторое время нарочно задерживалась в «большом доме» — аюнду. Наконец, она выходила оттуда, причем и в момент выхода из дверей старалась быть обращенной лицом к старшим, потому что недопустима была даже малейшая непочтительность к ним¹⁰.

Таким образом, активное участие в трудовой деятельности у абхазов в прошлом начиналось с момента вступления в брак, а еще в большей степени — образованием нуклеарной семьи.

Уже в конце XIX века у абхазов преобладала малая семья — атацва-хучы¹¹, но местами, особенно в горных районах, где ведущей отраслью сельского хозяйства было скотоводство, в довольно значительной степени сохранялись и большие семьи — атацваду — в плоть до начала второй четверти текущего столетия¹².

Что касается брачного возраста, то ясно одно: в прошлом для абхазов было характерно поздняя женитьба. Г. Ф. Чурсин отмечал, что в старину мужчина вступал в брак тогда, когда приобретал некоторую славу и известность своими подвигами, ибо и сама девушка не выходила за ничем себя не проявившего человека¹³.

Наиболее ранние письменные источники относятся к концу XIX столетия — времени рождения большинства наших долгожителей. Их исследование показывает, что в 1890—1900 гг. обычный брачный возраст мужчин варьировал между 25 и 35 годами, женщин — между 18 и 25. А наибольший процент вступивших в брак мужчин и женщин приходится, соответственно, на молодых 30 и 23 лет. В то же время имеются факты вступления в брак в минимальном брачном возрасте (по современному понятию до 18 лет, а по данным абхазских стариков — до 20), но среди женщин. Из 231 обследованного мною документа

⁹ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, Абгиз, 1954, 135.

¹⁰ Там же, с. 136.

¹¹ См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов..., с. 32—43.

¹² Там же.

¹³ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 159.

только в одном говорится о женитьбе мужчины в возрасте ниже 18 лет, тогда как 19 женщин вышли замуж в 14—17 лет¹⁴.

Таким образом, в социальном отношении мужчина в двадцать лет становился зрелым, как говорилось уже выше, вполне самостоятельным.

В дальнейшем все шло своим чередом в трудовой жизни исследуемых людей: в ней не бывало особых неожиданностей. Каждый из них придерживался ритмичности выполнения ими работы — до малейших тонкостей знакомой и привычной работы. Только с возрастом все больше и больше повышался их социальный статус. Мужчина тридцати-тридцати пяти лет, так называемый ачкун-надза (полноценный ачкун, достигший ачкунра), мог быть, например, тамадой на свадьбе, руководителем свадебного поезда, старшим дружкой невесты и др. В свою очередь, и женщина в таком возрасте — а п х у с - ч а (молодая женщина) — занималась почетными занятиями в общественных предприятиях. В зрелости же, средней возрастной ступенью которой считалось пятьдесят лет, и мужчина и женщина имели уже решающий голос в важных общественных делах. В биологическом смысле о пятидесятилетнем мужчине, например, говорили а х а ц а - г у г у а , и г у г у а м т а д т а г ы л о у п (сильный мужчина, в расцвете сил), а в социальном — и у а ю б ж а р а д т а г ы л о у п (он стоит в середине своего человеческого возраста)¹⁵. Уже в шестьдесят лет мужчина, называвшийся зь у а ю р а и т а г ы л о у , а б ы р г (человек в самом зрелом возрасте, зрелый), мог быть не только главой семьи, но и рода. В частности, абырг¹⁶, как глава семьи — а т а а ц в а р е х а б ы — представлял семью перед богами и духами — а н ы х у ю , с такими же успехами и во всех земных делах, имел дело с властями, выступал истцом или ответчиком в суде¹⁷, входил в совет старейшин, ведавший всеми внутрифамильными делами¹⁸. И женщина как а п х у с - б ы р г (женщина-абырг) пользовалась непререкаемым авторитетом не только в семейном, но и более широком социальном кругу; все, кто моложе ее, не осмеливались пройти перед ней без извинения (лапхья ниасуамызт).

С наступлением же пожилого возраста, примерно после

14 В. Л. Бигвава. Указ. раб., с. 56—57.

15 Это еще раз говорит, что, по мнению абхазов, продолжительность человеческой жизни равна 100 лет.

16 Этот термин не поддается этимологизированию, но ассоциируется с комплексом понятий «зрелый», «пожилой», «уважаемый».

17 Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 277.

18 Я. С. Смирнова. Роль старших возрастных групп в абхазской фамилно-патронимической организации. — Феномен долгожительства. М., Наука, с. 52.

семидесяти, а по мнению отдельных старожилов и после восьмидесяти лет, абырги являлись руководителями семьи чаще в идеологическом плане, чем в практическом.

Пожилой мужчина — а у ю а ж в и пожилая женщина а п х у с-бырг-надза входили в последнюю возрастную категорию, так называемую, соответственно, атахмада (человек, которому доверено главенство семьи) и атакуажв (букв. старая женщина семьи: от «ат» — краткой формы слова «атаацва» «семья», «аку», «акуикуи» — «трепанная» и «ажв» — «старая»). Но, сохраняя ясность ума и работоспособность, они не переставали вести активный образ жизни. Принимали посильное участие в ведении домашнего хозяйства. Все, кто был моложе их, обращались к ним, как к умудренным жизненным опытом, за советами. При обсуждении же важных семейных вопросов мнения атахмада и атакуажв оставались обычно решающими. Они являлись главными хранителями обычного права, которыми регулировалась юридическая и нравственная жизнь абхазов¹⁹. Атахмада и атакуажв, если они продолжали быть полезными в труде и, главным образом, в идеологической жизни общества, до глубокой старости могли называться а б ы р г, а б ы р г-б з и а (хороший абырг). Для членов рода, однофамильцев такие старцы являлись а ц в ш х у з к у (тот, кто держит родовую свечку), а если же они были старше всех, то—а х ы б ю (головная кость)²⁰. Они пользовались всеобщим уважением как в своем собственном, так и в любом другом обществе. Везде и всюду они были просто а н х а б ы — старшие. Любое нарушение норм поведения по отношению к анхабы, независимо от того, являлся он «своим» или «чужим», исключалось. На собраниях же анхабы сидел на первом ряду, ему принадлежало первое и заключительное слово. На свадьбах или поминках он произносил первый тост. При входе в дом, во двор или выходе из них анхабы-атахмада пропускали вперед, помогали сесть на лошадь, держали ему стремя, сопровождали его в поездке. Причем, сопровождающие лица ехали непременно слева или по сторонам от него. Никто не мог пересекать дорогу анхалы, а обходили его только сзади²¹.

Но была и другая категория атахмада. Так, дряхлый старик, окончательно утративший всякую активность в общественной жизни, мог быть назван а л ы г а ж в, что переводится как

¹⁹ Я. С. Смирнова. Семейное и общественное положение старших возрастных групп..., с. 277.

²⁰ В. Л. Бигвава. Указ раб., с. 46; его же — Из биографий двух абхазских долгожителей. — Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 71.

²¹ См. Я. С. Смирнова. Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации..., с. 55.

«опущенный старик» (от алага — опущенный и ажв — старый). Термин этот носит некоторый оттенок неуважительности, естественно, поэтому произносится только за глаза. Как правило, такой старик не приглашался на совет старейшин, хотя бы он был самым старшим по возрасту²².

Атахмада, у которого давно умерла жена, по своему социальному статусу не отличается от алыгажв, но физически сильнее его, поэтому не прочь и жениться, называется ацла хуста, термином, обозначающим большое окутанное старым плющем дерево, одиноко стоящее на пастбище (от ацла — дерево и ахуста — пастбище). А для легкомысленного старика, не вступившего в положенное время в брак, потому не имеющего детей, всю свою жизнь избегавшего труда, сохранился термин атахмада-кабада. Есть и шуточная песня, в которой говорится:

Атахмада-кабада
ходит без палки.
Атахмада-кабада
собаки искусали.
Атахмада-кабада
в горы пошел без шапки.
Атахмада-кабада
с гор спустился без обуви.
Атахмада-кабада
живет в одиночке.
Атахмада-кабада
в доме не имеет пищи.
Атахмада-кабада
умер без вести.

(подстрочный перевод автора)

Об очень глубоком старике, пережившем всех своих ровесников, говорили а к р м ы д ж — слово, ассоциирующееся со злом и прожорливостью, не имеющими конца. Акармыджом могла называться и подобная старуха. В то же время, долгожителей, возраст которых никто не мог установить, но отличавшихся по своей природе безобидностью, сравнивали иногда с легендарными Курыжваа — абхазскими мафусаилами (курыжваа дрыкулоуп)²³.

Если речь шла о человеке, умершем после ста лет, то о нем говорили: «хар имам, икура ифент» — «ни в чем не повинен, свой возраст поел». Долгожителем назывался только тот,

²² Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 54.

²³ Ш. Д. Инал-ипа. Мотивы долгожительства в абхазском фольклоре. — Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 42.

которому уже сто двадцать и более: «акураду ницит» — «до-голетие прожил». Вообще «возраст» — «акура» этимологизируется как «то, что на человеке» (ср. уи ахыза икууп — на нем одеяло, под одеялом; уи ауал икууп — на нем долг, т. е. он в долгу).

По мнению абхазских долгожителей, продолжительность человеческой жизни находится в прямой зависимости от образа жизни самого человека.

Почти все информаторы, с которыми я работал во время сбора полевого этнографического материала, твердят, что труд был для них нормой жизни, но он носил в прошлом непринудительный характер. Каждый занимался в основном той работой, которая более или менее была по душе, и делал столько, сколько мог в спокойной обстановке. Как удачно подметила Сула Бенет, абхазы не устанавливали для себя предельных сроков выполнения того или иного дела; срочность и безотлагательность проявлялись только в критических ситуациях²⁴. В зрелые годы трудились больше и дольше. Утром вставали перед рассветом и работали пока глаза видели. Уже в пожилом возрасте они работали не столько по необходимости, сколько в силу привычки — труд превращался для них как бы в физическую потребность, которую необходимо удовлетворить.

Долгожители всю свою жизнь работали, как правило, на свежем воздухе с кратковременными перерывами, как они сами говорят, в соответствии с требованиями организма. Обеденный отдых длился обычно не менее двух-трех часов, в зависимости от времени года. Летом он дольше, чем зимой. Подавляющее большинство абхазских долгожителей предпочитало поспать на часок после обеда, считая дневной сон необходимым условием для восстановления силы и бодрости.

Как правило, основную работу они выполняли в первой половине дня. Несмотря на физические нагрузки, нередко сопровождавшиеся большой интенсивностью, особенно в зрелом возрасте, работа не вызывала у них особых отрицательных эмоций. В течение года наибольший труд приходился на осень.

²⁴ Сула Бенет. Предпосылки долгожительства. — Феномен долгожительства..., с. 210.

поэтому полусхотят ее называют «мкакачан» — дословно: «время, когда неразжеванная, вспешку едят пищу».

За редким исключением, долгожители вели весьма подвижный образ жизни, особенно скотоводы. Находясь большую часть жизни в горах, они ходили очень много. К тому же, пастухи были одновременно и охотниками. В условиях же гор охотничье дело требует не только опыта, но также физической силы, чрезвычайной ловкости.

Абхазские долгожители удовлетворены своей трудовой деятельностью. Отсюда вытекает и общая оценка своей жизни в целом, хотя она зависела еще от многих семейно-бытовых факторов. Так или иначе, на данный вопрос большинство из них отвечало: «доволен».

Следует отметить, что за редким исключением, абхазские долгожители родились и выросли в больших семьях, в которых благоприятствовала традиционная монолитность — ахуатвейи кушвара. С самого раннего возраста они учились здесь добрым чувствам, заботе о близких, умению преодолевать трудности. Именно в семейном кругу начиналось формирование в каждом из них абхазского понятия основы нравственной культуры, именуемой а псуара (букв. абхазство). По мнению народа, в этом понятии переплетаются все внутренние законы человека, среди которых он выделяет честь, благородство и моральный долг. Последний является исходным условием для превращения труда в жизненную потребность. В привитии же любви к труду значительна роль и личного примера старших. Благоприятное влияние на данный процесс оказывает, как известно, и похвала за добрые дела. Педагогикой и психологией доказано, что если у человека и нет особых достоинств, то полезно бывает заметить в нем хорошие ростки лучшего²⁵. В абхазской семье, да и в общественном быту, умели пользоваться методом поощрения сверх заслуг, как бы с авансом на будущее. Такое воспитание оправдывало себя: абхазские долгожители отличаются большим трудолюбием.

²⁵ Д. А. Кикнадзе. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси, 1982.

Ученым отмечено, что труд становится благоприятным для здоровья и служит условием долголетия²⁶.

Абхазские долгожители занимались преимущественно тем, что их больше привлекало. В таком занятии они обретали трудовое счастье.

Существенной чертой, характерной для повседневной деятельности абхазских долгожителей, следует считать при этом и активное проведение свободного времени, под которым они понимают прежде всего общение с людьми и участие во всех сферах общественной жизни.

²⁶ См. Г. З. Пицхелаури. Долгожители Грузии. Тбилиси, 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Долгожители: Информация, верификация, обследования	7
Выводы или общее и особенное в образе жизни долгожителей	77

Напечатано по постановлению редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

ИБ 3819

Редактор издательства Л. Г. Ахалкаци
Худож. редактор Г. А. Ломидзе
Техредактор Э. В. Бокерия
Корректор Л. К. Абжандадзе
Выпускающий Е. Майсурадзе

Сдано в производство 15.VI.88; Подписано к печати 2.XII.1988; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печать выс;

Гарнитура лит; Усл. печ. л. 6,0; Уч.-изд. л. 5,72; Усл. кр. отт. 6,13;

Заказ 2295; Тираж 5800

Цена 1 руб. 20 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

ვალერი ლევარდის ძე ზიგვავა

ავსახეთის ხანდაზმულთა ცხოვრების წესი

„მეცნიერება“

თბილისი

1988

Валерий Левардович Бигвава

ОБРАЗ ЖИЗНИ АБХАЗСКИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1988

Издательство «Мецниереба» в 1989 году готовит к изданию

1. Археологические открытия в Абхазии в 1986—1987 гг.
2. Ш а м б а Г. К., Ш а м б а С. М.—Археологические памятники бассейна р. Галидзга.

